

Церковно-обрядовыя реформы Никона.

Посылка Никономъ грамоты Константинопольскому патриарху съ просьбою рѣшить предложенные въ ней вопросы Пріѣздъ въ Москву антиохійскаго патриарха Макарія и его участие въ церковно-реформаторской дѣятельности Никона Расправа Никона, при поддержкѣ и ободреніи антиохійскаго патриарха Макарія, съ иконами франкскаго письма Публичное одобреніе Макаріемъ распоряженія Никона о замѣнѣ двоеперстнаго перстосложенія троеперстнымъ Соборъ 1655 года по разсказу служебника и по разсказу Павла Атепскаго Соборная ствѣтная грамота константинопольскаго патриарха Паисія на вопросы Никона, въ одобряющая его реформаціоннаго увлеченія, направленаго на исправленіе и передѣлку безразличныхъ для вѣры и благочестія старыхъ русскихъ чиновъ и обрядовъ. Провозглашеніе антиохійскимъ патриархомъ Макаріемъ русскаго двоеперстія армянскимъ перстосложеніемъ Торжественное проклятіе въ Успенскомъ соборѣ антиохійскимъ патриархомъ Макаріемъ, сербскимъ патриархомъ Гавриломъ и викарскимъ митрополитомъ Григоріемъ всѣхъ крестящихся двоеперство Древнія свидетельства, доказывающія, что двоеперстіе есть старое православное перстосложеніе и что оно древнѣе троеперстія Отлученіе отъ церкви и проклятіе двоеперстниковъ соборомъ русскихъ іерарховъ 1656 года Другія церковно-обрядовыя реформы Никона, совершенныя имъ по указаніямъ антиохійскаго патриарха Макарія Общія замѣчанія о характерѣ и цѣльности церковно-обрядовыхъ реформъ Никона

Немедленно послѣ собора 1654 года Никонъ обращается съ особою грамотою къ Константинопольскому патриарху Паисію, въ которой пишетъ: „нынѣ же мы, разсмотривше прилежно въ книгахъ нашихъ, разньство въ нихъ обрѣтохомъ, отъ преписующихъ ли, или отъ преводниковъ, невѣдущихъ языка греческаго, не вѣмы. Сего ради пишемъ ко пресвятости твоей, пржеделаемый брате, да ту пресвятость твоя, съ прочими святѣйшими патриархи и браты нашими, и прочими архіереями, соборне, извѣстно и со всякимъ прилежнымъ

высканіемъ о всякомъ чинѣ церковномъ, пишете“. Затѣмъ, указавъ на самыя замѣченныя имъ разности, какія уже были указаны на соборѣ 1654 года, Никонъ заключаетъ грамоту словами: „насъ же церкви Божія любовь возжизаше, да безъ порока ю пасемъ сего ради къ святости твоей восписуемъ, да даси намъ о всѣхъ сихъ вышереченныхъ, о кождо особъ, потонку твоего святительства, чрезъ писаніе твое скоро, совѣтъ благъ: како вышереченная нами восточная церковь у васъ содержаше и содержитъ, и како нынѣ лѣтъ есть тоя блюсти, и что сотворити соблажняющимся о сихъ и непокорне праячимся“. Къ этой черновой сохранившейся грамотѣ, Никонъ въ бѣловомъ ея спискѣ, отосланномъ Паисію, прибавилъ еще нѣсколько новыхъ вопросовъ (такъ что всѣхъ ихъ оказалось 27), и обвиненія противъ епископа Павла Коломенскаго и противъ Неронова ¹⁾.

Итакъ, Никонъ все дѣло намѣчаемой имъ церковной реформы передалъ на благоусмотрѣніе и рѣшеніе собора восточныхъ іерарховъ, благодаря чему весь дальнѣйшій ходъ его реформаторской дѣятельности долженъ былъ зависѣть отъ такого или иного рѣшенія Константинопольскимъ патриархомъ посланныхъ ему вопросовъ. Очевидно также, что своимъ обращеніемъ на православный востокъ Никонъ открыто и торжественно призналъ высшій авторитетъ восточныхъ іерарховъ въ дѣлахъ русской церкви, обязательность для русскихъ въ дѣлахъ церковныхъ руководствоваться указаніями и рѣшеніями восточныхъ іерарховъ. Послѣ этого позволительно было ожидать отъ Никона, что онъ начнетъ свои дальнѣйшіе реформаторскіе шаги не раньше, какъ получивъ изъ Константинополя отвѣтъ на посланные туда вопросы, и что вся его дальнѣйшая реформаторская дѣятельность будетъ въ духѣ полученнаго имъ отвѣта. Въ дѣйствительности не было ни того, ни другого.

Въ это самое время (2-го февр. 1655 г.) въ Москву пріѣхалъ за милостынею антиохійскій патриархъ Макарій. Онъ надолго остался въ Москвѣ, всячески старался угодить всемогущему тогда Никону, на котораго приобрѣлъ замѣтное вліяніе. Въмѣсто того, чтобы умѣрять и сдерживать односто-

— —

¹⁾ Греческія дѣла, 7162 г. связка 32, № 23. Въ Москвѣ архіепископъ митрополитъ иностр. дѣлъ

ронній, слишкомъ бурный реформаторскій пылъ Никона, остерегать его отъ неосторожныхъ, опрометчивыхъ, а въ то же время крутыхъ мѣръ, сильно раздражавшихъ и обижавшихъ русскихъ, Макарій—по собственному-ли невѣжеству, по предосудительному-ли желанію порисоваться предъ русскими своею горячею преданностію дѣламъ церковнымъ, съ корыстною-ли цѣлію какъ можно больше угодить, понравиться Никону, въ видахъ полученія отъ Московскаго правительства болѣе щедрой милостыни,—только онъ дѣйствовалъ какъ разъ напротивъ. Онъ постоянно указывалъ Никону на разныя будто бы отступленія и новшества въ русской церковной практикѣ, требовалъ ихъ немедленнаго исправленія, и своимъ авторитетомъ торжественно одобрялъ и оправдывалъ самыя необдуманная и крутыя мѣры Никона. Подъ вліяніемъ Макарія, при его дѣятельномъ участіи и одобреніи, Никонъ совершилъ рядъ такихъ дѣйствій, которыя сильно повредили ему и его реформѣ, и на которыя онъ, вѣроятно, не отважился бы безъ одобренія и поощренія Макарія.

Въ недѣлю православія, въ 1655 году, богослуженіе въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ совершалось съ особою торжественностію, такъ какъ въ немъ участвовали три патріарха: московскій, антиохійскій и такъ называемый сербскій—Гавріилъ, пріѣхавшій въ Москву почти одновременно съ Макаріемъ и поселившійся было въ Москвѣ на всегдашнее житье. Въ соборѣ находился самъ царь, бояре и разныя придворныя чины, стеченіе народа было громадное. По окончаніи литургии Никонъ сталъ говорить поученіе, направленное противъ новыхъ иконъ—франческаго письма Племянникъ антиохійскаго патріарха Макарія Павелъ Алепскій, какъ очевидецъ, рассказываетъ о происшедшемъ въ это время въ соборѣ слѣдующее: „во время проповѣди Никонъ велѣлъ принести иконы старыя и новыя, кои нѣкоторыя изъ московскихъ иконописцевъ стали рисовать по образцамъ картинъ франкскихъ и польскихъ. Такъ какъ этотъ патріархъ отличается чрезмѣрною крутостью нрава и приверженностію къ греческимъ обрядамъ, то онъ послалъ своихъ людей собрать и доставить къ нему все подобныя иконы, въ какомъ бы домѣ ни находили ихъ, даже изъ домовъ государственныхъ сановниковъ, что и было исполнено. Это случилось

лѣтомъ предъ появленіемъ моровой язвы. Никонъ выкололъ глаза у этихъ иконъ, послѣ чего стрѣльцы, исполнявшіе обязанность царскихъ глашатаевъ, носили ихъ по городу, крича: „кто отнынѣ будетъ писать иконы по этому образцу, того постигнетъ примѣрное наказаніе“. Это происходило въ отсутствіе царя (т. е. въ 1654 году). Такъ какъ всѣ московиты отличаются большою привязанностію и любовью къ иконамъ, то они не смотрятъ ни на красоту изображенія, ни на искусство живописца, но всѣ иконы, красивыя и некрасивыя, для нихъ одинаковы: они всегда ихъ почитаютъ и поклоняются имъ, даже если икона представляетъ набросокъ на бумагѣ или дѣтскій рисунокъ. Видя, какъ патріархъ поступалъ съ иконами, подумали, что онъ сильно грѣшитъ, пришли въ смущеніе и волненіе и сочли его противникомъ иконъ. Въ это время случилась моровая язва и солнце померкло предъ закатомъ 2-го августа. Они подумали: „все случившееся съ нами есть гнѣвъ Божій на насъ за надругательство патріарха надъ иконами“. Образовались скопища, враждебныя патріарху, которыя покушались убить его, ибо въ это время царя не было въ Москвѣ, и въ городѣ оставалось мало войска ¹⁾. Въ этотъ день (т. е. въ недѣлю православія 1655 года) патріарху предста-

¹⁾ Въ донесеніи боярина Михаила Петровича Пронскаго царицѣ въ Колозанинъ монастырь, о смутѣхъ въ Москвѣ во время мороваго повятія, говорится августа, государи, въ 25 день (1654 г.) были мы, холопы ваши, у обѣдни въ соборной церкви, и въ обѣдню къ соборной церкви приходили земскіе и разныхъ слободъ люди, и принесли съ собою въ кіотъ икону, а написанъ былъ образъ Спасовъ нерукотворенный, лице у той иконы и поднесъ верхъ скребено. И какъ мы, холопы ваши, пошли отъ обѣдни, и земскіе люди учали намъ говорить: ваятъ де образъ Спасовъ, на патріарховъ дворъ повгородскіе сотни у тяглица у Софрова Федорова сына Лопотникова, а отдавъ де ему тотъ образъ изъ тиунскіе пазы для переписки, лице выскреблено, а скребень-де тотъ образъ по патріархову указу. И тогоже, государи, числа, въ восьмомъ часу дни земскіе жъ люди многіе приходили къ красному крыльцу и привозили иконные ики, а говорили, что и съ тѣхъ цковъ образы скребеныли, и они-де тѣ ики развѣсуть для оказанія во всѣ сотни и слободы и придуть-де къ намъ, холопамъ вашимъ, для того августа въ 26 дені. Въ отвѣтъ государыни на это донесеніе между прочимъ говорится: „а каторыя иконы скребены и тѣ иконы написаны были не по отеческому преданію съ палеяскаго и съ латыйскаго переводу“ (Гиббенъ, Дѣло о патр. Никонѣ, т. II, стр. 473—475).

вился удобный случай для бесѣды въ присутствіи царя, и онъ много говорилъ о томъ, что такая живопись, какова на этихъ иконахъ, недозволительна. При этомъ онъ сослался на свидѣтельство нашего владыки патріарха, и, въ доказательство незаконности новой живописи, указывалъ на то, что она подобна изображеніямъ франковъ. Патріархи предали анаѣмъ и отлучили отъ церкви и тѣхъ, кто станетъ изготовлять подобные образа, и тѣхъ, кто будетъ держать ихъ у себя. Никонъ бралъ эти образа правою рукою одинъ за другимъ, показывалъ народу и бросалъ ихъ на желѣзныя плиты пола, такъ что они разбивались, и приказалъ ихъ сжечь. Царь стоялъ близъ пастъ съ открытою головою, съ видомъ кроткимъ, въ молчаніи внимая проповѣди. Будучи человекомъ очень набожнымъ и богобоязненнымъ, онъ тихимъ голосомъ сталъ просить патріарха, говоря: „нѣтъ отче, не сожигай ихъ, но пусть ихъ зароютъ въ землю“. Такъ и было сдѣлано. Никонъ, поднимая правою рукою икону, всякій разъ при этомъ восклицалъ; „эта икона изъ дома вельможи такого-то, сына такого-то“, т. е. царскихъ сановниковъ. Цѣлю его было пристыдить ихъ такъ, чтобы остальной народъ, видя это, принялъ себѣ въ предостереженіе“.

Но одною расправою съ иконами франческаго писма Никонъ на этотъ разъ не ограничился. Вслѣдъ за проповѣдію противъ новыхъ иконъ, онъ сейчасъ же возсталъ еще и противъ стараго русскаго двоеперстнаго перстосложенія для крестнаго знаменія. Попытку эту, какъ мы видѣли, Никонъ сдѣлалъ уже ранѣе, немедленно по вступленіи своемъ на патріаршій престолъ, но принужденъ былъ тогда отказаться отъ своего требованія, такъ какъ встрѣтилъ себѣ слишкомъ сильное сопротивленіе, и не могъ никакими серьезными данными оправдать вводимую имъ перемѣну въ перстосложеніи. Теперь онъ рѣшился воспользоваться авторитетомъ и поддержкой антиохійскаго патріарха Макарія, чтобы показать несправедливость русскаго двоеперстнаго перстосложенія и истинность греческаго троеперстнаго, и тѣмъ показать всѣмъ, что онъ былъ правъ, когда, по вступленіи своемъ на патріаршую кафедру, издалъ извѣстное распоряженіе: „и тремя бы персты есте крестились“ Понятно, что антиохійскій патріархъ Макарій охотно поддержалъ Никона и, въ угоду ему, торжественно заявилъ чрезъ переводчика

всему бывшему въ Успенскомъ соборѣ народу, что правое перстосложеніе для крестнаго знамени есть троеперстное, которое согласно употребляютъ всѣ православныя народы. Павелъ Алепскій, какъ очевидецъ, рассказываетъ объ этомъ, что Никонъ, расправившись съ иконами франкскаго письма, „сталъ говорить о крестномъ знамени, ибо русскіе не крестятся подобно намъ сложенными тремя пальцами, но складываютъ ихъ подобно какъ архіерей, когда онъ благословляетъ. При этомъ Никонъ также сослался на свидѣтельство нашего владыки патріарха. Объ этомъ предметѣ нашъ учитель еще раньше говорилъ Никону, что такое крестное знаменіе недозволительно; и теперь всенародно чрезъ переводчика сказалъ слѣдующее: „въ Антиохіи, а не въ иномъ мѣстѣ, вѣрующіе во Христа (впервые) были наименованы христианами. Оттуда распространились обряды. Ни въ Александріи, ни въ Константинополѣ, ни въ Іерусалимѣ, ни на Синая, ни на Афонѣ, ни даже въ Валахіи и Молдавіи никто такъ не крестится, но всѣми тремя пальцами вмѣстѣ“¹⁾.

Понятно какое тяжелое, угнетающее впечатлѣніе на всѣхъ производили эти крайне рѣзкія, необдуманныя дѣйствія Никона. Онъ грубо оскорблялъ весь народъ въ самомъ заветномъ и священномъ для него чувствѣ: его исконную приверженность къ святымъ иконамъ, такъ какъ народъ—масса—плохо, конечно, понималъ различіе живописи франкской и греческой, и видѣлъ въ иконѣ всякаго письма именно только святую икону, къ которой всякій обязанъ былъ относиться съ подобающимъ святымъ уваженіемъ,—недаромъ въ его глазахъ Никонъ являлся иконоборцемъ. Но соблазнительною распрavoю Никона съ новыми иконами былъ затронутъ не только простой народъ, а и болѣе образованные и передовые лица высшаго класса. Въ это время у насъ началось все болѣе усиливаться и крѣпнуть западное вліяніе, которому подчинились нѣкоторые лица высшаго по преимуществу сословія, особенно побывавшія въ разныхъ заграничныхъ посольствахъ, или дома познакомившіяся съ жившими у насъ

¹⁾ Свидѣтельства Павла Алепскаго изъ его сочиненія. „Путешествіе антиохійскаго патріарха Макарія въ Россію въ половинѣ XVII вѣка“, мы приводили по переводу съ арабскаго г. Муркоса, вышедшему въ пяти выпускахъ. Выпускъ III. стр. 136—137

иностранными, или знакомившіеся съ западомъ при посредствѣ польско-литовскаго вліянія. Иконы франкскаго письма, отобранныя Никономъ у разныхъ знатныхъ лицъ и были, между прочимъ, однимъ изъ проявленій западнаго вліянія на тогдашнее высшее русское общество. Никонъ не понималъ и не оцѣнилъ этого новаго направленія въ нашей общественной жизни, не подмѣтилъ въ немъ здоровой и живой силы, не отгадалъ его великаго культурнаго значенія для всей послѣдующей жизни Россіи, и потому рѣзко и рѣшительно возсталъ противъ него, какъ зловреднаго. Слѣдовательно, Никонъ своимъ грубымъ выступленіемъ противъ новыхъ иконъ не удовлетворялъ никого, а раздражилъ рѣшительно всѣхъ: и приверженцевъ родной старины, и приверженцевъ запада, и всѣхъ вообще людей благочестивыхъ, которыхъ не могло не возмущать его отношеніе къ предметамъ благочестія. Очевидно также, что Никонъ своими рѣзкими выходками противъ новыхъ иконъ, а равно и русскаго перстосложенія для крестнаго знаменія, изъ чего русскіе неожиданно узнали о себѣ, что они будто бы досель и лба-то перекрестить, какъ слѣдуетъ, не умѣли—самъ давалъ противъ себя прекрасное оружіе членамъ кружка ревнителей, которые естественно указывали всѣмъ на нетактичныя, необдуманныя поступки Никона, какъ на доказательство справедливости всего, что они говорятъ о нечестіи и злыхъ умыслахъ Никона.

Никонъ сильно торопился съ своими церковными реформами. Не дожидаясь полученія изъ Константинополя отвѣта на посланные имъ туда вопросы, онъ, подъ вліяніемъ указаній антиохійскаго патріарха Макарія, въ мартѣ 1655 года, поспѣшилъ созвать въ Москвѣ соборъ, на которомъ, кромѣ Никона и русскихъ архіереевъ, присутствовали еще патріархи: антиохійскій Макарій и сербскій Гавріиль. Свѣдѣнія объ этомъ соборѣ изложены въ предисловіи къ служебнику, напечатанному въ 1656 году, съ согласія и одобренія Никона. Здѣсь разсказывается, что будто бы еще до собора 1655 г. была получена отвѣтная грамота константинопольскаго патріарха Паисія на посланные ему Никономъ вопросы; въ этой грамотѣ Паисій будто бы вполне одобрялъ всю дѣятельность Никона, настойчиво совѣтовалъ ему провести намѣченныя имъ реформы, и даже указывалъ ему на нѣкоторыя другія

новшества русскихъ, которыя не были обозначены въ вопросахъ Никона. Рассказывается, что будто бы только послѣ прочтенія этой соборной грамоты, присланной константинопольскимъ патріархомъ Паисіемъ, Никонъ „симъ къ большому благихъ желанію воздвигшее“, сталъ собирать имѣвшіяся въ русскихъ монастыряхъ древнія славянскія рукописи богослужебныхъ книгъ и затѣмъ послалъ Арсенія Суханова на востокъ для приобрѣтенія тамъ древнихъ греческихъ рукописей, чтобы, такимъ образомъ, исправить русскія богослужебныя книги по древнимъ греческимъ спискамъ и по старымъ славянскимъ переводамъ. Только послѣ такихъ приготовленій и собранъ былъ соборъ въ 1655 году, на которомъ былъ прочитанъ отвѣтъ константинопольскаго патріарха Паисія Никону, „и судиша е право и отъ Святаго Духа составлено быти“. Рассказывается, что антиохійскій патріархъ Макарій принесъ на соборъ и свои книги—служебникъ и другія, и что на соборѣ „такъ вся старописанныя греческія и славянскія книги разсмотрѣвши, обрѣтоша древнія греческія съ ветхими славянскими книгами во всемъ согласующая; въ новыхъ же московскихъ печатныхъ книгахъ, съ греческими же и славянскими древними, многая несогласія и погрѣшенія. Прочтеннымъ же симъ всѣмъ и разсужденнымъ, судиша тако быти, якоже апостольская и седми вселенскихъ соборовъ святыя правила повелѣвають, и якоже на святыхъ соборѣхъ, первое въ царствующемъ градѣ Москвѣ въ царскихъ палатахъ, потомъ же—въ Константинополи, у всесвятѣйшаго Паисія патріарха, и съ нимъ священныхъ мужей, установлено бысть“.

Весь этотъ рассказъ о соборѣ 1655 года, напечатанный, вѣроятно, съ вѣдома Никона, только спустя годъ послѣ собора, имѣлъ въ виду показать, что Никонъ, въ дѣлѣ исправленія русскихъ церковныхъ книгъ, чиновъ и обрядовъ, руководился не личнымъ только усмотрѣніемъ, не указаніями случайныхъ заѣзжихъ въ Москву греческихъ іерарховъ—милостынесобирателей, а голосомъ всей константинопольской церкви, выразившемся въ соборномъ опредѣленіи, которое прислалъ Никону константинопольскій патріархъ Паисій. Только послѣ полученія этого отвѣта, вполнѣ будто бы одобрявшаго реформы Никона и прямо его поощрявшаго, онъ приступаетъ къ собранію старыхъ славянскихъ книгъ, на

основаніи которыхъ, довольно ихъ изучивши, и производить исправленіе русскихъ богослужебныхъ книгъ. Все дѣло исправленія служебника Никонъ представляетъ затѣмъ на усмотрѣніе собора, который, послѣ тщательнаго разсмотрѣнія и сличенія древнихъ греческихъ и славянскихъ служебниковъ, одобряетъ приготовленный къ изданію служебникъ, постановляетъ и другія книги исправить такимъ же образомъ и, между прочимъ, согласно съ тѣми указаніями, какія сдѣланы въ соборной грамотѣ константинопольскаго патріарха Паисія.

Свѣдѣнія о соборѣ 1655 года, изложенныя въ предисловіи къ служебнику, напечатанному Никономъ въ 1656 году, во многомъ, и очень важномъ, невѣрны и тенденціозны. Прежде всего, грамота константинопольскаго патріарха Паисія которая будто бы послужила исходной точкой для книжныхъ исправленій Никона и публично читалась на соборѣ 1655 г., въ дѣйствительности была получена въ Москвѣ уже спустя почти два мѣсяца послѣ собора. Соборъ былъ въ мартѣ, а грамота патріарха Паисія была прислана съ грекомъ Мануиломъ Константиновымъ, который прибылъ въ Москву только перваго мая, такъ что все, что предисловіе служебника говоритъ о соборной грамотѣ константинопольскаго патріарха Паисія, читанной на соборѣ 1555 года, есть завѣдомая неправда ¹⁾. Затѣмъ, по несомнѣнному свидѣтельству Павла Алепскаго, соборъ 1655 года продолжался никакъ не болѣе одной недѣли. Слѣдовательно собору рѣшительно не было времени заниматься сличеніемъ множества собранныхъ греческихъ и славянскихъ рукописей съ книгами московской печати, не было времени и книгу служебникъ „во всемъ справить и согласну сотворить древнимъ греческимъ и славянскимъ“ служебникамъ.

Какъ въ дѣйствительности происходилъ соборъ 1655 года, что и какъ на немъ дѣлалось, объ этомъ сохранилось вполне достовѣрное и довольно обстоятельное извѣстіе у Павла Алепскаго, очевидца собора, такъ какъ онъ лично на немъ присутствовалъ. Онъ сообщаетъ: „московскій патріархъ созвалъ соборъ (1655 г.) велѣдствіе указаній, которыя сдѣлалъ

¹⁾ Греческія дѣла 7162 г., связка 33, № 14 О пріѣздѣ грека Мануила Константинова съ грамотами Константинопольскаго патріарха Паисія.

ему нашъ учитель (т. е. патріархъ Макарій), и совѣта, который онъ имъ далъ относительно нововведеній и разныхъ погрѣшностей въ дѣлахъ вѣры: во первыхъ, относительно того, что они не служатъ, какъ мы, на антиминосѣ съ изображеніями и съ надписями, освященнымъ мощами святыхъ, а на кускѣ бѣлаго полотна; во вторыхъ, что они, принося священную жертву, вынимаютъ не девять чиновъ (частицъ), а только четыре; въ третьихъ, что они дѣлаютъ въ нѣкоторыхъ словахъ ошибки въ „Вѣрую во единого Бога“; въ четвертыхъ, прикладываются къ иконамъ только разъ или два въ году; въ пятыхъ, не принимаютъ антидора; въ шестыхъ, касательно ихъ крестнаго знаменія при иномъ расположеніи пальцевъ; въ седьмыхъ, относительно крещенія ляховъ, ибо они крестятъ ихъ теперь вторымъ крещеніемъ, и относительно разныхъ дѣлъ и обрядовъ, о коихъ мы уже говорили и будемъ говорить. Патріархъ Никонъ послушался словъ нашего владыки патріарха и перевелъ служебникъ литургіи съ греческаго языка на рускій, изложилъ въ немъ обряды и проскомидію въ ясныхъ выраженіяхъ, доступныхъ пониманію дѣтей, согласно подлинной греческой обрядности. Онъ напечаталъ этотъ служебникъ въ нѣсколькихъ тысячахъ (экземпляровъ) и роздалъ ихъ по церквамъ всей страны; напечаталъ также болѣе пятнадцати тысячъ антиминосовъ съ письменами и изображеніями, освятилъ мощами святыхъ и также роздалъ ихъ по всей странѣ. Исправилъ многія ошибки, по царскому утвержденію и повелѣнію, на основаніи свидѣтельствъ закона и пророковъ. Заключили разсужденія на соборѣ (постановивъ), согласно мнѣнію нашего учителя, что крещеніе ляховъ недозволительно, какъ повелѣвается въ Евхологіи и Законѣ (Номоканонѣ), ибо ляхи вѣруютъ въ св. Троицу, крещены и не такъ далеко отъ насъ, какъ прочіе еретики и лютеране, какъ-то: шведы, англичане, венгеры и иные французскіе народы, кои не постыятся, не поклоняются ни иконамъ, ни кресту и т. п. Патріархъ Никонъ, такъ какъ онъ любитъ грековъ, выразилъ согласіе (на исправленіе) и сказалъ, обращаясь къ архіереямъ и прочимъ присутствующимъ архимандритамъ и священникамъ: „я рускій, сынъ русскаго, но мои убѣжденія и моя вѣра греческія“. Нѣкоторые изъ архіереевъ отвѣтили повинovenіемъ, говоря: „свѣтъ вѣры во Христа и всѣ обряды религіи и ея таинства

возсіяли намъ изъ странъ востока“; а нѣкоторые изъ нихъ—ибо во всякомъ народѣ непремѣнно есть люди грубаго нрава и тупого ума—внутренно возроптали, говоря про себя: „мы не перемѣнимъ своихъ книгъ и обрядовъ, кои мы приняли издревле“. Однако, они не смѣютъ говорить открыто, ибо гнѣвъ патріарха неукротимъ: (доказательство) какъ онъ поступилъ съ епископомъ коломенскимъ, ссылая его ¹⁾.

Такимъ образомъ изъ свидѣтельства Павла Алепскаго оказывается, что соборъ 1655 года былъ созванъ вслѣдствіе указаній на недостатки русскаго церковнаго обряда и чина со стороны антиохійскаго патріарха Макарія, что Никонъ исправлялъ тѣ церковные недостатки, на которыя ему указывалъ теперешній его вдохновитель, руководитель и совѣтникъ въ дѣлѣ реформы—патріархъ Макарій, что на соборѣ вовсе не было никакихъ тщательныхъ разсмотрѣній и обсужденій древнихъ греческихъ и славянскихъ книгъ, а только представленъ былъ простой переводъ съ служебника Макарія, съ котораго потомъ и напечатано было нѣсколько тысячъ экземпляровъ; что указанія Макарія Никону почти всѣ касались разныхъ незначительныхъ обрядовыхъ мелочей, не имѣвшихъ никакого отношенія къ вѣроученію, и потому совершенно безразличныхъ для вѣры и благочестія.

На соборѣ 1655 года Никонъ очень торжественно и, въ то же время, очень рѣзко, никѣмъ не вынуждаемый, заявилъ рѣшительно о своемъ полномъ разрывѣ съ традиціонными русскими вѣрованіями и убѣжденіями, свой окончательный переходъ на сторону грековъ и греческихъ воззрѣній. „Я русскій, сынъ русскаго, но мои убѣжденія и моя вѣра—греческія“, говорилъ Никонъ отцамъ русскаго собора. Это публичное, торжественное отреченіе верховнаго архипастыря русской церкви отъ русскихъ вѣрованій и убѣжденій въ пользу иностранныхъ—греческихъ, это торжественное признаніе себя Никонѣмъ по духу истымъ грекомъ, необходимо должно было произвести крайне непріятное и тяжелое впечатлѣніе на всѣхъ тѣхъ русскихъ, которые вовсе не думали и не жемали отказываться отъ своего русскаго въ пользу греческаго, въ чемъ, конечно, и нужды-то никакой не было и для Никона. На обидное для національнаго самосознанія

¹⁾ Выпускъ III, стр 170—171.

русскихъ заявленіе Никона, нѣкоторые изъ членовъ собора подобострастно отвѣчали, что „свѣтъ вѣры во Христа и всѣ обряды религіи и ея таинства возсіяли намъ изъ странъ востока“. Но другіе молчали, и хотя, изъ боязни предъ грознымъ и всемогущимъ патріархомъ, не рѣшались на открытое его порицаніе, однако съ неудовольствіемъ говорили про себя: „мы не перемѣнимъ своихъ книгъ и обрядовъ, кои мы приняли издревле“. Значить, соборъ 1655 года не былъ выраженіемъ свободнаго голоса всей русской церкви, а почти исключительно личнымъ дѣломъ Никона, дѣйствовавшаго теперь по указаніямъ и подъ руководствомъ случайно пріѣхавшаго въ Москву за милостынею антиохійскаго патріарха Макарія, такъ какъ нѣкоторые члены собора вовсе не одобряли производимой Никономъ ломки русскихъ церковныхъ чиновъ и обрядовъ, и если они открыто и не возстали противъ него на соборѣ, то единственно потому, что боялись жестокой расправы за это со стороны Никона, который не допускалъ никакого противорѣчія своимъ мнѣніямъ, какъ это ясно для всѣхъ было видно изъ примѣра епископа Павла Коломенскаго. Что же касается разсказа о соборѣ 1655 года, помѣщеннаго въ предисловіи къ служебнику, изданному Никономъ, гдѣ событія собора передаются въ значительно извращенномъ видѣ, но при томъ такъ, чтобы все дѣло собора представить въ благопріятномъ для Никона свѣтѣ, то, по нашему мнѣнію, самое уже появленіе этого тенденціознаго разсказа служить доказательствомъ за то, что и соборъ 1655 года происходилъ далеко не такъ, какъ хотѣлъ Никонъ, почему и признано было необходимымъ представить происходившее на соборѣ значительно иначе, нежели какъ было въ дѣйствительности.

Прошло уже болѣе мѣсяца послѣ собора 1655 года, какъ въ Москву былъ присланъ отвѣтъ константинопольскаго патріарха Паисія на предложенные ему Никономъ вопросы. Этотъ отвѣтъ Паисія заслуживаетъ нашего особаго вниманія, такъ какъ въ немъ выраженъ взглядъ всей тогдашней константинопольской церкви на реформаторскую дѣятельность Никона, и такъ какъ онъ для всей его послѣдующей дѣятельности долженъ бы былъ имѣть руководственное значеніе ¹⁾.

¹⁾ Отвѣты Паисія напечатаны были Никономъ въ скрижали. Въ недавнее время найденъ подлинный греческій текстъ этихъ отвѣтовъ, кото-

Самая грамота съ вопросами Никона константинопольскому патриарху Паисію не дошла до насъ, но мы съ нею хорошо можемъ познакомиться изъ отвѣтовъ Паисія. Всѣ двадцать семь вопросовъ Никона, которые онъ предложилъ на разрѣшеніе Паисія и собора, очень характерны, какъ для самого Никона, такъ и производимой имъ реформы. При чтеніи этихъ вопросовъ Никона, невольно поражаешься ихъ мелочностію, не важностію, полнымъ безразличіемъ для вѣры и благочестія. Нашъ извѣстный церковный историкъ, пресвященнѣйшій Макарій, рассказывая о томъ, какъ патриархъ Іосифъ посылалъ вселенскому патриарху грамоту „о церковныхъ великихъ потребахъ“, подъ которыми онъ разумѣлъ самыя незначительныя церковно-обрядовыя вопросы, замѣчаетъ, въ заключеніе разсказа: „читая эти вопросы нашего патриарха Іосифа, за рѣшеніемъ которыхъ онъ обращался къ константинопольской каедрѣ, невольно подумаешь: вотъ что считалъ онъ „великими церковными требами“, вотъ что не умѣлъ онъ или не осмѣлился рѣшить самъ съ одними русскими святителями и всѣмъ освященнымъ соборомъ“¹⁾. То же самое замѣчаніе съ полнымъ правомъ слѣдуетъ сдѣлать и относительно вопросовъ, предложенныхъ Никономъ на разрѣшеніе константинопольскаго патриарха, такъ какъ между вопросами Іосифа и Никона нѣтъ никакой существенной разности, все различіе между ними заключается не въ качествѣ, а въ количествѣ вопросовъ: одинъ предложилъ четыре только вопроса, а другой набралъ совершенно такихъ же вопросовъ двадцать семь. Если патриархъ Іосифъ спрашивалъ: можно ли многимъ архіереямъ и іереямъ служить божественную литургію на двухъ потирахъ? подобаешь ли въ службахъ по мірскимъ церквамъ и монастырямъ соблюдать единогласіе? то патриархъ Никонъ, съ своей стороны, спрашивалъ: въ какой часъ нужно начинать и оканчивать божественную литургію? Когда лампадарій зажигаетъ свѣчу, чтобы звать іерарховъ въ церковь? Когда отверзаются врата св. алтаря? приеѣмлется ли жертва того іерея, который, литургисая, хранить въ сердцѣ своемъ

рый, вмѣстѣ съ русскимъ переводомъ, и напечатанъ въ журналѣ Христ. Чтеніе за 1881 г., кн. I.

¹⁾ Ист. рус. церкви, т. XI, стр. 170—171.

соблазнъ памятовлюбія? Кровотеченія и искушенія во снѣ не служатъ ли для іерея препятствіемъ къ совершенію божественной литургіи? гдѣ полагается антиминсъ по окончаніи литургіи—надъ или подъ святымъ потиромъ? священническое благословеніе совершается посредствомъ ли прикосновенія къ благословляемому или нѣтъ? и т. под. Изъ этихъ вопросовъ Никона съ очевидностію открывается, что онъ, какъ и его предшественникъ Іосифъ, мелочные и неважные обрядовые вопросы тоже считалъ дѣломъ крайне важнымъ—„великими церковными потребамн“—почему онъ, подобно Іосифу, и не осмѣливается порѣшить эти вопросы самъ, съ одними русскими святителями и всѣмъ освященнымъ соборомъ, а отсылаетъ ихъ на разсмотрѣніе и рѣшеніе константинопольскаго патріарха и собора. Такой образъ дѣйствій и Іосифа и Никона объясняется тѣмъ, что они, не обладая какими либо научными богословско-историческими знаніями и хотя бы какимъ нибудь правильнымъ образованіемъ и развитіемъ, помимо очень случайнаго и односторонняго начетчества—не имѣли правильнаго представленія о происхожденіи и значеніи въ христіанской церкви обряда; не знали того, что обрядъ выработывался въ церкви постепенно, въ теченіи очень долгаго періода времени, и что процессъ его образованія не закончился и сейчасъ; не знали того, что каждый обрядъ имѣетъ въ себѣ двѣ стороны: одну существенную, которую составляетъ вложенная въ обрядъ мысль, ученіе, другую—несущественную, которая служить только внѣшнимъ, нагляднымъ выраженіемъ мысли или ученія; они не знали, что для вѣры и благочестія важна по преимуществу первая сторона, тѣсно связанная съ христіанскимъ вѣроученіемъ, а что касается второй, то она всегда подвергалась и можетъ впредь подвергаться разнымъ измѣненіямъ, въ различныхъ церквахъ была и всегда можетъ быть неодинакова, смотря по тѣмъ или другимъ обстоятельствамъ разныхъ помѣстныхъ церквей; они не знали, что нормою для опредѣленія пригодности или непригодности извѣстнаго церковнаго обряда всегда служила и служить его вѣрность православному ученію, его наглядность, понятность и назидательность для вѣрующихъ; что всѣ разные частные обрядовые вопросы и недоумѣнія могутъ быть рѣшены каждою помѣстною церковію при свѣтѣ и подѣ

руководствомъ общаго христіанскаго православнаго ученія, поставленнаго въ связь съ церковною практикою древнѣйшихъ православныхъ церквей. Не имѣя правильнаго представленія о происхожденіи и значеніи въ церкви обряда, Никонъ не понималъ поэтому и того, что если русская церковь осталась во всемъ вѣрна догматамъ и всему вообще ученію православной церкви, то значить, она сохранила и правильный обрядъ, поскольку онъ былъ въ ней вѣрнымъ отраженіемъ содержимаго ею ученія, и что вовсе нѣтъ никакой бѣды въ томъ обстоятельстве, что русская церковь въ нѣкоторыхъ обрядахъ разошлась съ своими единовѣрцами, — тогдашними греками. Каждая помѣстная церковь всегда имѣла и имѣетъ право на тѣ мѣстныя обрядовыя особенности, которыя, не касаясь существа вѣры и благочестія, однако болѣе привычны и понятны для массы, чѣмъ какіе бы то ни было обряды другой помѣстной церкви, тѣмъ болѣе, что въ помѣстномъ обрядѣ народъ оставляетъ видимый, понятный ему и очень цѣнный для него памятникъ своего пониманія той или другой христіанской истины, того или другого христіанскаго православнаго ученія.

Невысокое представленіе о русскомъ церковномъ реформаторѣ получилъ константинопольскій патріархъ Паисій изъ вопросовъ Никона. Они поразили его крайней мелочностію, неважностію, полнымъ непониманіемъ со стороны вопрошавшаго значенія и смысла въ православной церкви того или другаго обряда. Паисій увидалъ въ Никонѣ человѣка очень ревностнаго и горячаго къ дѣламъ церкви, но въ тоже время человѣка необразованнаго, не обладавшаго высшимъ кругомъ христіанскихъ знаній, и потому направляющаго свою ревность на предметы безразличныя для вѣры и благочестія, и даже могущаго своею дѣятельностію, благодаря своей неумѣренной ревности и недостаточному пониманію дѣла, принести церкви не пользу, а вредъ. Поэтому Паисій въ своихъ отвѣтахъ, написанныхъ отъ лица всей константинопольской церкви, не только не поощряетъ мелочно-обрядовой реформаторской дѣятельности Никона, его стремленія исправлять особенности мѣстнаго русскаго обряда, но наоборотъ: старается умѣрить его реформаторскій пылъ, ввести его ревность въ должныя границы, отклонить его вниманіе отъ безразличныхъ обрядовыхъ мелочей. Въ видахъ просвѣтити,

возвысить христіанское пониманіе Никона, Паисій сообщаетъ ему болѣе правильный взглядъ на христіанскій обрядъ, его происхожденіе, значеніе въ православной церкви, отношеніе его къ вѣроученію, старается дать Никону умѣнье рѣшать самому различные неважные и мелочные церковно - обрядовые вопросы. вмѣстѣ съ этимъ Паисій даетъ понять Никону всю односторонность заявленной имъ ревности, такъ какъ православіе вовсе не требуетъ того, что бы оно разъ навсегда было заключено въ какую либо во всѣхъ подробностяхъ и частностяхъ опредѣленную обрядовую форму, но что оно всегда допускало и допускаетъ разнообразіе внѣшнихъ формъ выраженія своего ученія, лишь бы только эти внѣшнія обрядовыя различія церквей не были выраженіемъ различія въ самомъ ихъ ученіи. Вообще весь отвѣтъ Паисія былъ поученіемъ и назиданіемъ для Никона, имѣлъ въ виду предостеречь и удержать его отъ спѣшной и необдуманной передѣлки практиковавшагося въ русской церкви обряда, поскольку онъ не касался существа вѣры и благочестія, а такими Паисій находилъ всѣ предложенные Никономъ вопросы.

Въ своихъ отвѣтахъ патриархъ Паисій, послѣ привѣтствія и восхваленія пастырской ревности и личныхъ высокихъ качествъ Никона, указываетъ на необходимость единенія всѣхъ церквей, но только это единеніе, по прямому смыслу словъ самаго Господа (Іоан. XVII, 11) и ап. Павла (1 Кор. 1, 10), должно состоять, говоритъ Паисій, *„въ одномъ и томъ же исповѣданіи вѣры, съ однимъ разумѣніемъ и съ одною мыслию.* Говорю это потому, продолжаетъ Паисій, что усматриваю основанія къ тому въ грамотахъ твоего блаженства: ты жадуешься сильно на не согласіе *въ кое-какихъ порядкахъ, существующихъ въ помѣстныхъ церквахъ, и думаешь: не вредятъ ли эти различные порядки нашей вѣрѣ.* Въ отвѣтъ на это мы похваляемъ мысль, — поелику кто боится впасть въ малыя погрѣшности, тотъ предохраняетъ себя отъ великихъ, — *но исправляемъ опасеніе:* поелику, что касается еретиковъ, то мы дѣйствительно имѣемъ повелѣніе отъ апостола избѣгать ихъ послѣ перваго и втораго вразумленія, какъ развращенныхъ (Тит. III, 11), равно какъ и раскольниковъ, которые хотя и оказываются согласными съ православными въ главнѣйшихъ догматахъ, но имѣютъ кое-какіе и свои особенные, чуждые

общепринятымъ въ церкви. / Но если случится, что какая нибудь церковь будетъ отличатся отъ другой какими либо порядками, неважными и несущественными для вѣры, или такими, которые не касаются главныхъ членовъ вѣры, а относятся къ числу незначительныхъ церковныхъ порядковъ, каково, напримеръ, время совершенія литургіи, или вопросъ о томъ: какими перстами долженъ благословлять священникъ и под.; то это не должно производить никакаго раздѣленія, если только сохраняется неизмѣнно одна и та же вѣра. Это потому, что церковь наша не съ самаго начала получила тотъ уставъ чинопослѣдованій, который содержитъ въ настоящее время, а мало по малу, (какъ говоритъ св. Епифаній Кипрскій въ словѣ подъ заглавіемъ: „Краткое истинное слово о вѣрѣ каѳолической и апостольской церкви“, въ концѣ): первоначально читали въ церкви только одиннадцать псалмовъ, а потомъ уже больше, равно какъ имѣли разныя степени постовъ и мясоестій. II Великій Василій въ 29 гл. о св. Духѣ говоритъ относительно церкви Неокесарійской, что неокесарійцы не прибавили ровно ничего къ своему чинопослѣдованію, ни одного священнодѣйствія, ни слова, ни таинственнаго знака, съ тѣхъ поръ, какъ предалъ имъ это чинопослѣдованіе ихъ архіерей чудотворецъ Григорій: поэтому то (говоритъ онъ) многое, что у нихъ совершается, кажется неудовлетворительнымъ, такъ какъ успѣло уже устарѣть съ тѣхъ поръ, какъ они все это приняли въ началѣ, и такъ какъ они не принимали того, что ввели у себя послѣ другія церкви; равнымъ образомъ антифоновъ, составленныхъ Златоустомъ, съ водруженіемъ предъ каждымъ изъ нихъ креста, не имѣетъ уже церковь. И прежде святыхъ Дамаскина и Козьмы, и другихъ творцевъ, мы не пѣли ни тропарей, ни каноновъ, ни кондаковъ. При всемъ томъ, такъ какъ сохранялась одна и таже вѣра всѣми помѣстными церквами, то это различіе въ чинопослѣдованіяхъ не могло тогда служить основаніемъ признавать ихъ еретическими или схизматическими. Не слѣдуетъ намъ и теперь думать, будто извращается наша православная вѣра, если кто нибудь имѣетъ чинопослѣдованіе, нѣсколько отличающееся въ вещахъ, которыя не принадлежатъ къ числу существенныхъ, или членовъ вѣры: лишь бы соглашался въ важныхъ и главныхъ съ каѳолическою церковію. А для того, чтобы знать, какіе это важные и существенные члены нашей вѣры, о которыхъ мы го-

воримъ, нашъ св. Синодъ составилъ одну книгу на общепотребительномъ языкѣ, подъ заглавіемъ: „Православное исповѣданіе вѣры католической и апостольской церкви восточной“, въ которой мы твердо обосновали всѣ члены древней нашей вѣры... Если вы нуждаетесь въ этой книгѣ, *а она действительно нужна вамъ* для того, чтобы всѣ пять патріархій были единомысленны, мы пришлемъ вамъ одну копію съ нея“.

Раскрывъ и обосновавъ свой общій взглядъ на происхождение и значеніе въ православной церкви разныхъ чино-послѣдованій и обрядовъ, которые были и теперь могутъ быть въ различныхъ помѣстныхъ церквахъ не одинаковы, что однако, при единствѣ вѣры, никогда не мѣшало и сейчасъ не можетъ мѣшать имъ составлять изъ себя единую и единомысленную вселенскую церковь; порекомендовавъ Никону поближе и получше познакомиться съ вѣроученіемъ православной церкви, въ чемъ Паисій, очевидно, замѣтилъ у Никона значительный пробѣлъ, препятствующій ему различать важное и неважное въ строѣ жизни церковной, патріархъ Паисій переходитъ затѣмъ къ рѣшенію самыхъ вопросовъ, предложенныхъ ему Никономъ. Но прежде чѣмъ отвѣтить на тотъ или другой частный вопросъ Никона, Паисій старается предварительно объяснить происхождение, составъ, существенныя стороны и смыслъ частныхъ православной литургіи, чтобы Никонъ, послѣ этого объясненія, уже самъ видѣлъ, какъ слѣдуетъ ему рѣшать такіе вопросы, какъ, на примѣръ, предложенный имъ Паисію: когда слѣдуетъ въ литургіи отверзать царскія врата? Отвѣчая на вопросъ Никона, въ какіе часы надлежитъ совершать литургію и находя правильнымъ начинать ее „съ третьяго часа дня“, Паисій однако, зная съ кѣмъ имѣетъ дѣло, спѣшитъ сейчасъ же прибавить: „но мы должны прибавить, что часы эти не опредѣлены однажды навсегда такъ, чтобы мы не имѣли позволенія литургисать и въ какой либо другой часъ кромѣ третьяго... благодать Св. Духа не ограничивается тѣмъ или другимъ моментомъ времени“.

Отвѣчая на тѣ или другіе частные вопросы Никона, Паисій опять старается убѣдить его не придавать значенія предметамъ не важнымъ и прекратить относительно ихъ споры и препирательства. „Что же касается полемики, пишетъ на-

примѣръ онъ, которую ведете изъ за чина божественнаго тайноводства, какъ пишете въ седьмомъ вопросѣ, *то умоляемъ и менемъ Господа нашего І. Христа, да прекратитъ ее твое блаженство, съ свойственной тебѣ разсудительностію: рабу бо Господню не подобаетъ сваритися (2 Тим. 11, 24), и особенно въ вещахъ, которыя не принадлежатъ къ числу главныхъ и существенныхъ и членовъ вѣры, а убѣждай ихъ принять тотъ чинъ, который мы описали, чинъ, содержимый во всей восточной церкви... Но можетъ быть, говоритъ далѣе Паисій, ваши чины и порядки несогласны съ нашими въ вещахъ необходимыхъ, а не въ тѣхъ, относительно которыхъ уставъ предоставляетъ выборъ на волю настоятеля, въ такомъ случаѣ напишите намъ, какіе это чины и порядки, и мы разсудимъ объ этомъ соборнѣ*". Очевидно, Паисій тѣ обрядовыя разности и отступленія въ русской церкви, на которыя указывалъ ему въ своихъ вопросахъ Никонъ, относилъ къ разряду совершенно безразличныхъ и неважныхъ, о которыхъ *рабу Господню не подобаетъ сваритися*, такъ что всякая полемика относительно ихъ, по мнѣнію константинопольскаго собора и патріарха, должна быть немедленно прекращена въ интересахъ мира русской церкви. Но если бы въ русской церкви дѣйствительно нашлись какіе либо чины и порядки, отступающіе отъ общецерковныхъ чинѣвъ и порядковъ „въ вещахъ необходимыхъ“, Паисій просить тогда Никона писать ему объ этомъ. Или, напримѣръ, Паисій пишетъ, такъ: „что же касается чина крещенія, то онъ неизмѣнно остается въ томъ видѣ, какъ предписываетъ уставъ, находящійся въ Евхологіѣ. Тамъ вы можете его видѣть. И если онъ въ чемъ либо разнится отъ нашего, то или *исправьте его сами*, по взаимному соглашенію, или пишете къ намъ и мы разсудимъ соборнѣ“.

Но особеннаго вниманія конечно заслуживаетъ отвѣтъ Паисія на вопросы Никона о перстосложеніи, какъ для крестнаго знаменія, такъ и для архіерейскаго и іерейскаго благословенія, въ виду того исключительно важнаго значенія, какое придавали этому вопросу въ Москвѣ. „На двадцать четвертый (вопросъ) пишетъ Паисій, въ которомъ спрашиваете, какъ подобаетъ христіанину изобразить свой крестъ, т. е. какими перстами, отвѣчаемъ, что мы всѣ имѣемъ древнее обыкновеніе, по преданію, поклоняться: имѣя первыя три

перста соединенными вмѣстѣ во образъ св. Троицы, просвѣщеніемъ которой открыта намъ тайна домостроительства по плоти, и мы научены славить единого Бога въ трехъ ипостасяхъ—Отца, Сына и Св. Духа, и да сорасинемся вмѣстѣ съ крестомъ Господа нашего Іисуса, Сына Божія, спедшаго съ небесъ и вочеловѣчившагося и плотию пострадавшаго ради нашего спасенія. Да это и основательно, поелику чрезъ соединеніе трехъ перстовъ мы воспоминаемъ тайну Св. Троицы, а тѣмъ, что изображаемъ на себѣ крестъ Господень, напоминаемъ страданіе и воскресеніе Его, съ которыми и ради которыхъ призываемъ отъ Бога помощь“.—Вотъ и весь отвѣтъ собора и патріарха относительно перстосложенія для крестнаго знаменія. Въ немъ указывается только на древній обычай греческой церкви, принятый по преданію, креститься тремя перстами, и объясняется смыслъ такого перстосложенія. А между тѣмъ Паисій конечно хорошо понималъ, что Никонъ требовалъ отъ него рѣшительно высказаться за то, какое перстосложеніе истинно правое и древнее: русское ли двоеперстное, или тогдашнее греческое троеперстное и, конечно, увѣренно ожидалъ, что Паисій, вмѣстѣ съ константинопольскомъ соборомъ, рѣшительно одобритъ греческое троеперстное перстосложеніе, а русское двоеперстное, какъ неправое, осудитъ. Однако Паисій въ своемъ отвѣтѣ счелъ достаточнымъ только указать на существовавшій тогда у грековъ обычай и на выражаемую имъ мысль, вовсе не думая въ тоже время утверждать, что греческое троеперстное перстосложеніе для крестнаго знаменія есть единственно правое и всегда неизмѣнно употреблявшееся въ православной церкви; не говорить, чтобы только въ этомъ видѣ оно было обязательно для всѣхъ, не говорить и о неправильности иного перстосложенія—русскаго двоеперстія. Очевидно вопросъ о сложеніи перстовъ для крестнаго знаменія Паисій относитъ къ числу предметовъ неважныхъ и несущественныхъ, относительно которыхъ каждая помѣстная церковь можетъ оставаться при своемъ мѣстномъ обычаѣ,—греки употребляютъ троеперстіе и—правы, потому что исповѣдуютъ этимъ правую мысль; русскіе спокойно могутъ держаться своего двоеперстія и также будутъ правы, конечно если они соединяютъ съ этимъ правую мысль.

Еще болѣе опредѣленно и рѣшительно свое и соборное

мнѣніе о безразличіи того или другого перстосложенія для крестнаго знаменія Паисій высказываетъ въ слѣдующемъ отвѣтѣ—на вопросъ Никона относительно перстосложенія для архіерейскаго и іерейскаго благословенія. Что касается перстосложенія для архіерейскаго и іерейскаго благословенія, пишетъ Паисій, „то церковь благословляетъ всѣхъ, изображая іерейской рукой имя Мессіи или, что тоже,—имя І. Христа, именно: изображая *і* и *с*,—что въ сокращеніи значитъ Иисусъ, и *х* и *с*, что въ такомъ же сокращеніи означаетъ Христось. *А какими перстами кто начертываетъ эти четыре буквы, это безразлично*, лишь бы благословляющій и благословляемый имѣли въ мысли, что это благословеніе нисходитъ отъ І. Христа при посредствѣ руки священника, и что І. Христось самъ даетъ благодать благословенія по прошенію того, что ищетъ ея съ вѣрою. Но приличнѣе дѣлать такъ, какъ изображается І. Христось на иконахъ, поелику такая форма перстосложенія отчетливѣе выражаетъ имя Иисусъ Христось, именно большой т. е. первый и четвертый, будучи соединены вмѣстѣ, изображаютъ Иисусъ, а два (второй и третій) стоймя съ небольшимъ наклоненіемъ одно изъ нихъ, *х*, и малый послѣдній *с*,—что значитъ Христось. Впрочемъ тоже самое будетъ означать, если будешь держать и два послѣдніе перста (приклонными) книзу въ формѣ двухъ *сс*, три же первые стоймя, какъ изображающіе *і* и *х*,—и это не дѣлаетъ никакого различія“.

Такимъ образомъ патріархъ Паисій, отвѣчая отъ лица константинопольскаго собора на вопросъ Никона относительно архіерейскаго и іерейскаго перстосложенія для благословенія, прямо и рѣшительно говоритъ, что оно имѣетъ въ виду изобразить іерейскою рукою имя Мессіи, а какими это будетъ сдѣлано перстами—дѣло безразличное: „лишь бы только благословляющій и благословляемый имѣли въ мысли, что это благословеніе нисходитъ отъ І. Христа, при посредствѣ руки священника“. Затѣмъ, рекомендуя держаться извѣстной формы перстосложенія въ благословеніи, онъ однако опять замѣчаетъ при этомъ, что такъ или иначе будутъ слагать персты“ и это не дѣлаетъ никакого различія“, и тѣмъ ясно даетъ понять Никону, что сущность дѣла здѣсь заключается не въ томъ или иномъ перстосложеніи, а въ самой мысли, выражаемой имъ, что если человѣкъ держитъ

правильную мысль, то уже совершенно безразлично будетъ, какіе и какъ именно онъ слагаетъ персты. Само собою понятно, что если относительно важнѣйшаго—архіерейскаго и іерейскаго благословія вполнѣ допустима свобода того или другого перстосложенія, то тѣмъ болѣе, конечно, эта свобода допустима относительно обычнаго для каждаго вѣрующаго знаменованія себя крестомъ, лишь бы мысль, выражаемая перстосложеніемъ, была при этомъ правильна.

Въ отвѣтахъ патріарха Паисія и собора на вопросы Никона есть одинъ пунктъ, который принимается нѣкоторыми какъ прямое доказательство, что Паисій дѣйствительно настаивалъ предъ Никономъ объ исправленіи всего вообще русскаго обряда, въ видахъ полнаго, до мельчайшихъ подробностей, согласованія его съ тогдашнимъ греческимъ, и что онъ этой сторонѣ дѣла придавалъ особенно важное значеніе. На сдѣланное ему Никономъ сообщеніе объ епископѣ Коломенскомъ Павлѣ и протопопѣ Нероновѣ, Паисій отвѣчаетъ: „а что касается епископа Коломенскаго Павла и одинаковаго съ нимъ (по воззрѣніямъ) протопопа, которые говорятъ, что ни книги ихъ, ни литургія, ни перстосложеніе не согласуются съ вашими, и которые порочатъ молитвы наши (т. е. молитвы греческой церкви), будто онѣ совершаются страха ради человѣческаго, а не ради страха Божьяго, и говорятъ, что патріархъ (т. е. какъ таковой вообще) долженъ предъ совершеніемъ литургіи въ присутствіи другихъ іереевъ молиться иначе, именно униженнѣе и смиреннѣе страха ради Божьяго, и долженъ искать и другихъ молитвъ, разнящихся отъ тѣхъ, которыя заключаетъ въ себѣ греческая литургія, особенно произносить молитвы о бѣдныхъ, какъ вы пишете въ восьмомъ и девятомъ вопросахъ ¹⁾, отвѣчаемъ, что все это суть признаки ереси и раскола, и кто такъ вѣруетъ и говоритъ, тотъ чуждъ православной нашей вѣры... Пусть примутъ неліцемерно все, что содержитъ и принимаетъ за догматъ православная наша церковь, или послѣ перваго и втораго вразумленія, если останутся неисправимыми, отрекитесь отъ нихъ и отдѣлите ихъ отлуче-

¹⁾ Начало этого отвѣта Паисія приводится нами по болѣе точному переводу графа А. Гейдена, въ его брошюрѣ: „Изъ исторіи возникновенія раскола при патріархѣ Никонѣ“, стр 24—39.

ніемъ отъ овецъ Христовыхъ, чтобы они не питали ихъ смертоноснымъ кормомъ. Въ такомъ случаѣ вы будете имѣть согласіе на это и наше и нашего синода. Въ самомъ дѣлѣ, на какомъ соборѣ или у какого древняго святого нашли они будто молитвы нашей церкви совершаются по челоуѣкоугодію; что онѣ недостаточны и неудовлетворительны и въ силу этого (присвояютъ себѣ право) требовать ихъ восполненія? Всѣми мѣрами остерегайтесь такихъ собакъ, или, точнѣе сказать, волковъ; ибо они подъ видомъ исправленія (притворяясь) будто желаютъ исправлять недостатки церковныя, на самомъ же дѣлѣ стремятся внести въ нее (церковь) ядовитыя свои плевелы... Они приносятъ къ намъ свои нововведенія и апокрифическія молитвы въ качествѣ исправленій. Въ дѣйствительности эти лица являются вратами ада, вводящими въ геену огненную, попадающую повинующихся имъ. Вслѣдствіе этого и будутъ отсѣчены отъ церкви, какъ гнилыя и неисцѣлимые члены, оставаясь нераскаянными; поелику таковыя молитвы ихъ мы считаемъ богохульствомъ, такъ какъ они бросаютъ подозрѣніе на нашихъ святыхъ, и пытаются ввести новые порядки, которымъ насъ никогда не учили отцы, предавшіе намъ вѣру“.

Чтобы понять смыслъ сейчасъ приведенныхъ мало понятныхъ рѣчей отвѣта константинопольскаго патріарха Паисія, нужно имѣть въ виду слѣдующее: Павелъ коломенскій и Нероновъ не хотѣли принимать „чина архіерейскаго совершенія литургіи на востокъ“, составленнаго для Никона патріархомъ Аѳанасіемъ Пателаромъ, въ бытность его въ Москвѣ и тогда же переведеннаго на русскій языкъ, такъ какъ они находили, что этотъ греческій чинъ расходится въ нѣкоторыхъ пунктахъ съ прежнимъ русскимъ ¹⁾. За это Ни-

¹⁾ Бывшій константинопольскій патріархъ Аѳанасій Пателаръ прибылъ въ Москву 16 апр. 1653 г. Въ Москвѣ онъ старался угодить Никону и написалъ для него особое сочиненіе подъ заглавіемъ „Чинъ архіерейскаго служенія литургіи на востокъ“, которое сохранилось и до настоящаго времени какъ въ подлинникѣ, такъ и въ славянскомъ переводѣ подъ такимъ заглавіемъ: „толкованіе божественныя литургіи, егда священнодѣйствуетъ архіерей, по чину и обычаю восточныя церкви Аѳанасія, прежній вселенскій патріархъ на Москвѣ снѣ сподобивыйся (священнодѣйствовать) въ 1653 лѣто, мѣсяца іюля, индикта 6“. Рукопись москов. синод. библ. № 245 и 698). О пріѣздѣ и пребываніи въ Москвѣ патріарха Аѳанасія Пателара см. нашу статью въ журналѣ: Чтенія въ общ. любит. духовн. пресв за 1889 г

конъ и жаловался на Павла и Неронова константинопольскому патріарху, и, вѣроятно, къ этому присоединилъ и другія какія-либо обвиненія, можетъ быть не вполне ясныя для Паисія. Какъ бы то ни было, только послѣдній понялъ все дѣло такимъ образомъ, что будто бы Павелъ и Нероновъ имѣютъ какія-то свои книги, литургію, перстосложеніе, отличныя отъ употребляемыхъ и въ русской церкви („не согласуются съ вашими“) и порочать молитвы церкви греческой, что подъ видомъ исправленія они привносятъ въ церковь свои нововведенія и апокрифическія молитвы, и пытаются ввести новые церковные порядки, какимъ никогда не учили отцы, предавшіе вѣру. Словомъ Павелъ и Нероновъ явились въ представленіи константинопольскаго патріарха Паисія какими-то новаторами, которые угрожали русской церкви появленіемъ въ ней или ереси, или раскола, почему Паисій и совѣтуетъ Никону немедленно отлучить ихъ отъ церкви, если они откажутся принять нелицемѣрно, „что содержитъ и принимаетъ за догматъ православная наша церковь“. Очевидно Паисій, на основаніи можетъ быть непонятаго имъ доноса Никона, составилъ о Павлѣ и Нероновѣ совсѣмъ невѣрное представленіе. Дьяконъ Фодоръ по этому поводу пишетъ: „на епископа же Павла коломенскаго, новаго исповѣдника, и на казанскаго протопopa Іоанна Неронова, писалъ Никонъ тогда ко греческимъ патріархомъ ложныя басни, оправдывая самъ себя, а на нихъ клеветца, яко діаволь, будто они составили свои новыя молитвы и чины церковныя и тѣми людей развращаютъ, и отъ соборныя церкви отдѣляются. И цареградскій патріархъ Паисій, повѣря его клеветѣ, писалъ отвѣты ему, чая его пастыря сущаго быти, глаголя ему: блюдиися, брате, таковыхъ, кои что ново вчиняють, и отъ церкви отдѣляются; таковии, рече, вторіи люторцы, сирѣчь нѣмцы, прельщенные отъ Лютора еретика невдавніѣ. И тѣ отвѣты напечаталъ Никонъ въ новой книгѣ своей Скрыжали, на гибельное оправданіе себѣ и невѣдущемъ людемъ на соблазнѣ. Патріархъ убо Паисій о томъ право ему отвѣща по отпискѣ ево: но онъ, врагъ, къ нему, судии, неправду писалъ, но праведныхъ мужей оклеветалъ, и заводомъ, яко Езавель Навуфея. Намъ же всѣмъ православнымъ христіанамъ во всей русской землѣ вѣдомо о томъ, что нѣсть ихъ творенія, Павлова и Іоаннова, ни еди-

ныя молитвы, ни тропья новаго, и единого слова развратнаго не вложили они въ старыя книги наши нигдѣ отнюдѣ, и раскола у нихъ въ церкви не бывало никакова, и у книжныя sprawy на печатномъ дворѣ не сиживали никогда, и въ наборщикахъ не бывали: вѣдомо о семь всей Москвѣ“¹⁾. Дѣйствительно-ли Никонъ оклеветалъ Павла и Неронова, въ своихъ вопросахъ, предъ константинопольскимъ патріархомъ Паисіемъ, какъ увѣряетъ дьяконъ Федоръ, мы не знаемъ, такъ какъ самыя вопросы Никона не дошли до насъ. Но во всякомъ случаѣ несомнѣнно только то, что Паисій совѣтывалъ Никону немедленно отлучить Павла и Неронова отъ церкви не потому, что видѣлъ въ нихъ защитниковъ стараго русскаго обряда, удержаніе котораго онъ считалъ бы несомвѣстнымъ съ православіемъ русской церкви, а единственно потому, что видѣлъ въ нихъ опасныхъ новаторовъ, церковныхъ нововодителей, стремящихся измѣнить существующіе церковныя порядки, т. е. Паисій совѣтывалъ Никону отлучить Павла и Неронова за такія вины, въ которыхъ они были рѣшительно неповинны.

Итакъ, соборный отвѣтъ константинопольскаго патріарха Паисія на вопросы Никона, далеко не заключалъ въ себѣ одобренія и поощренія реформаторской дѣятельности Никона. Правда въ Константинополѣ похвалили ревность Никона къ предметамъ вѣры и порядкамъ церковнымъ; но, въ тоже время, сочли нужнымъ настойчиво исправить его намѣреніе—исправлять русскіе церковныя чины и обряды, постарались, въ видахъ наученія Никона, сообщить ему болѣе правильный взглядъ на его собственное дѣло, сдѣлать для него понятнымъ ту истину, что интересы вѣры и благочестія, правильно понимаемые, вовсе не требуютъ уничтоженія существующихъ въ различныхъ церквахъ помѣстныхъ обрядовъ и чиновъ, что единеніе церквей вовсе не состоитъ въ тожествѣ ихъ обряда во всѣхъ его частностяхъ и подробностяхъ, а „въ одномъ и томъ же исповѣданіи вѣры съ однимъ разумѣніемъ и съ одною мыслію“, и что при такомъ условіи различіе обряда въ помѣстныхъ церквахъ, какъ въ прежнее время никогда не нарушало, такъ и теперь не можетъ нарушить единства вселенской церкви. Конечно, при

¹⁾ Мат. для ист. раск. т. VI, стр. 198—199.

сильномъ желаніи Никона видѣть въ отвѣтахъ Паисія оправданіе своей церковно-обрядовой реформы, онъ могъ найти въ нихъ, игнорируя ихъ общую мысль и характеръ, нѣсколько отдѣльныхъ выраженій, которыя, повидимому, могли оправдывать его реформаторскую дѣятельность. Такъ, въ предисловіи къ своимъ отвѣтамъ, Паисій пишетъ: „да будемъ всегда заодно какъ въ единой вѣрѣ и единомъ крещеніи, такъ и въ единомъ исповѣданіи, одно и тоже говоря всегда одними устами и единымъ сердцемъ, чтобы не разногласить другъ съ другомъ ни въ чемъ“. Но, сказавъ это, Паисій сейчасъ же переходитъ къ объясненію, какъ нужно понимать это единство и доказываетъ Никону, что оно заключается „въ одномъ и томъ же исповѣданіи вѣры съ однимъ разумѣніемъ и съ одною мыслию“, а не въ единствѣ обряда, который въ разныхъ церквахъ можетъ быть неодинаковъ. Такого же рода и два другія мѣста изъ посланія Паисія, на которыя Никонъ могъ посмотрѣть какъ на поощреніе и оправданіе своей реформаторской дѣятельности. Въ первомъ своемъ отвѣтѣ Паисій, кратко объяснивъ Никону составъ, существенныя стороны и таинственное знаменованіе чина божественной литургіи, говоритъ въ заключеніе: „вотъ чинъ, котораго мы держимся въ нашей литургіи. Надѣюсь, что этого же чина держитесь и вы, въ противномъ же случаѣ, т. е. если вашъ чинъ отступаетъ въ чемъ либо отъ нашего, *вы постарайтесь согласоваться съ нашимъ, сообразно съ указаннымъ распорядкомъ, который мы приняли съ самаго начала, дабы одними устами и однимъ сердцемъ славить и вамъ и намъ единого Бога*“. То же Паисій заявляетъ и въ седьмомъ своемъ отвѣтѣ, когда проситъ Никона прекратить полемику“ особенно въ вещахъ, которыя не принадлежать къ числу главныхъ и существенныхъ и членовъ вѣры“. „Но, замѣчаетъ Паисій, можетъ быть ваши (чины и порядки) несогласны съ нашими въ вещахъ необходимыхъ, а не въ тѣхъ, относительно которыхъ уставъ предоставляетъ выборъ на волю настоятеля, въ такомъ случаѣ пишете намъ, какіе это (чины и порядки), и мы разсудимъ объ этомъ соборнѣ“. Очевидно Паисій, настаивая въ указанныхъ случаяхъ передъ Никономъ, чтобы на Руси принять былъ тотъ чинъ, который онъ описалъ, разумѣлъ основныя и существенныя стороны этого чина, а вовсе не тѣ безразличныя обрядо-

вья частности и подробности, о которыхъ собственно хлопоталъ Никонъ и изъ-за которыхъ, по мнѣнію Паисія и собора, рабу Господню не подобаеъ сваритися. Что же касается существенныхъ и основныхъ чертъ, то русскій церковный чинъ и обрядъ никогда не расходился ни въ чемъ съ греческимъ; вся разность между ними заключалась въ самыхъ неважныхъ и даже ничтожныхъ частностяхъ и подробностяхъ, при чемъ и эти неважныя русскія особенности были не русскимъ созданиемъ, а древне-греческія, только позднѣйшими греками видоизмѣненныя у себя, почему онѣ и стали у нихъ кое въ чемъ непохожи на русскія.

Отвѣтная соборная грамота константинопольскаго патріарха Паисія, долженствовавшая служить Никону исходною точкою для всѣхъ его дальнѣйшихъ реформъ, способная, при правильномъ пониманіи и усвоеніи ея, предохранить, остеречь Никона отъ слишкомъ поспѣшной, крутой и мало полезной, а въ тоже время крайне опасной для мира церкви, ломки русскихъ церковныхъ чиновъ и обрядовъ,—эта грамота не была понята и какъ слѣдуетъ усвоена Никономъ, и потому не имѣла никакого вліянія на его послѣдующую, по крайней мѣрѣ ближайшую, реформаторскую дѣятельность. Это объясняется, съ одной стороны, тѣмъ, что изложенныя въ грамотѣ Паисія воззрѣнія на церковный обрядъ, какъ на слагавшійся мало-по-малу, различно въ различныхъ церквахъ, что онъ съ теченіемъ времени видоизмѣнялся и всегда можетъ быть въ разныхъ церквахъ не одинаковъ, и что изъ-за обрядовыхъ разностей и мелочей, какъ безразличныхъ для вѣры и благочестія, рабу Господню не подобаеъ сваритися,—такія воззрѣнія на обрядъ были слишкомъ новы и потому, на первый разъ, просто непонятны для Никона. Никонъ, какъ показываютъ его вопросы патріарху Паисію и вся вообще его церковно-обрядовая реформа, въ пониманіи церковной обрядности, по крайней мѣрѣ въ первые годы своего патріаршества, ничѣмъ существенно не отличался отъ пониманія тогдашняго зауряднаго московскаго начетчика, т. е. Никонъ, вмѣстѣ со всѣми тогдашними русскими, смотрѣлъ на обрядъ такъ же, какъ и на вѣроученіе, думалъ, что обрядъ такъ же важенъ, святъ, спасителенъ и неизмѣненъ, какъ и самое вѣроученіе, что разность въ обрядѣ указывала на разность въ ученіи, такъ какъ обрядъ,

какъ и вѣроученіе, всегда и всюду долженъ быть одинъ и тотъ же. Исходя изъ этаго тогдашняго общерусскаго представленія объ обрядѣ и его значеніи, Никонъ, какъ скоро лично составилъ себѣ убѣжденіе о неправотѣ нѣкоторыхъ московскихъ чиновъ и обрядовъ, считалъ своею священною обязанностию немедленно исправить ихъ, чтобы ради ихъ совѣтъ не замутилось на Руси истинное благочестіе, при чемъ онъ искренно вѣрилъ, что приводя русскій обрядъ въ полное соотвѣтствіе съ тогдашнимъ греческимъ, онъ тѣмъ самымъ производитъ крайне важную и прямо необходимую въ интересахъ православія реформу, и производитъ ее такъ, что его реформа не есть измѣненіе или передѣлка стараго, а только реставрація, возстановленіе въ прежнемъ видѣ того, что по тѣмъ или другимъ причинамъ измѣнено было русскими въ позднѣйшее время. Съ другой стороны, если бы Никонъ усвоилъ истинный смыслъ отвѣтной грамоты патріарха Паисія и сталъ бы дѣйствовать въ ея духѣ, то ему пришлось бы ограничить свою церковную реформу только исправленіемъ русскихъ богослужебныхъ книгъ, поскольку въ нихъ вкрались ошибки и погрѣшности, темныя непонятныя выраженія и т. под.; пришлось бы вычеркнуть изъ своей реформаторской программы все, что относилось къ перестройкѣ и передѣлкѣ русскихъ церковныхъ чиновъ и обрядовъ по тогдашнему греческому образцу, такъ какъ, получали его изъ Константинополя, „не слѣдуетъ намъ и теперь думать, будто извращается наша православная вѣра, если кто-нибудь имѣетъ чинопослѣдованіе, нѣсколько отличающееся въ вещахъ, которые не принадлежатъ къ числу существенныхъ и членовъ вѣры: лишь бы соглашался въ важныхъ и главныхъ съ каѳолическою церковію“. Но Никонъ уже слишкомъ далеко зашелъ въ своей реформаторской дѣятельности, и на всякое отступленіе отъ спѣшно намѣченной и очень спѣшно проводимой имъ программы реформъ, смотрѣлъ какъ на свое личное пораженіе, какъ на умаленіе престижа своей патріаршей власти, къ которой онъ всегда относился крайне ревниво. Это значило бы доставить торжество его врагамъ, которые, уже съ самаго начала, такъ рѣзко настойчиво указывали на несостоятельность его реформы, это значило бы признать правоту и справедливость ихъ заносчивыхъ нападеній на него, значило бы сознаться,

что его противники понимали дѣло гораздо лучше и вѣрнѣе его—Никона. Но это было выше силъ Никона Онъ, никогда не любилъ сознаваться въ своихъ ошибкахъ, у него всегда были виноваты другіе, а самъ онъ во всемъ и всегда оказывался правымъ. Тѣмъ болѣе, конечно, онъ не могъ признаться въ своихъ ошибкахъ въ то время, когда предъ нимъ преклонялось все, когда онъ буквально царилъ и въ церкви и въ государствѣ, когда рядомъ съ нимъ и государево имя стало мало слышно. Поэтому вполне естественно было, что Никонъ или вовсе не придавалъ никакого значенія грамотѣ константинопольскаго патріарха Паисія, или же придавалъ ей совершенно не то значеніе, какое бы она должна была имѣть для него. Слѣдствіемъ такого положенія дѣлъ было то, что Никонъ проявилъ болѣе готовности слушать не тѣхъ, кто сдерживалъ и охлаждалъ его реформаторскій пылъ, а тѣхъ, кто поощрялъ его и поддерживалъ на излюбленномъ пути. За поощрителями дѣло не стало, они были подъ рукой у Никона, готовы были оказать всякую услугу всемогущему патріарху.

Антіохійскій патріархъ Макарій, постоянно поощрявшій Никона на проведеніе въ русской церкви обрядовыхъ реформъ, уже ранѣе одобрилъ крутую расправу Никона съ иконами франкскаго письма и, тоже въ угоду Никону, ранѣе торжественно заявилъ въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ, что для крестнаго знаменія слѣдуетъ употреблять не двоеперстное—русское, а троеперстное греческое перстосложеніе. Но выслуга Макарія передъ Никономъ этимъ не ограничилась.

Въ память св. Мелетія антіохійскаго (12 февраля) того же 1656 года Никонъ, послѣ службы въ Чудовѣ монастырѣ, въ присутствіи царя, синклита и множества народа, прочелъ изъ пролога извѣстное сказаніе о св. Мелетіи антіохійскомъ, на которое обыкновенно ссылались русскіе въ защиту употребляемаго ими двоеперстія, и, обратясь къ Макарію, спросилъ его, какъ слѣдуетъ понимать это сказаніе? Въ отвѣтъ на это Макарій торжественно, въ слухъ всѣхъ возгласилъ: „мужіе всего православія, слышите: азъ преемникъ и наследникъ сего св. Мелетія престолу; вамъ извѣстно, яко сей св. Мелетій три первые персты разлучены показа другъ отъ друга, отъ нихъ же и знаменія не бытъ; ты же паки три со-

едини, ими же и знаменіе показа. И аще кто сими тремя персты на лицѣ своемъ образъ креста не изобразуетъ, но имать творити два послѣднія соединяя съ великимъ пальцемъ, да два великосредняя простерта имѣти, и тѣмъ образъ креста изображати, *таковъй арменоподражателъ есть, арменове бо тако изображаютъ на себѣ крестъ*“. Изъ этого торжественнаго всенароднаго заявленія заѣзжаго въ Москву патріарха—милостынесобирателя—русскій народъ получилъ о себѣ совершенно неожиданное свѣдѣніе, что онъ крестится еретически, по-армянски. Это поразительное открытіе, конечно, должно было крайне смутить и изумить всѣхъ благочестивыхъ русскихъ людей, доселѣ знаменовавшихъ себя въ крестномъ знаменіи двоеперстно т. е., какъ оказалось, по-армянски. Но Никонъ не давалъ времени одуматься русскому благочестивому челоуѣку, поразмыслить о томъ, что это теперь творится на Москвѣ,—онъ приготовилъ для него еще болѣе поразительное зрѣлище.

Спустя двѣнадцать дней послѣ памятнаго для народа праздника въ день св. Мелетія антиохійскаго, наступила такъ называемая недѣля православія. На этотъ разъ торжественная служба совершалась въ Успенскомъ соборѣ, на ней присутствовалъ царь со всѣмъ синклитомъ, стеченіе народа было громадное. Когда начался извѣстный обрядъ православія, два пріѣхавшихъ въ Москву съ востока патріарха: антиохійскій Макарій и сербскій Гавріиль, да еще пріѣзжіи греческій никейскій митрополитъ Григорій, стали предъ царемъ, его синклитомъ, предъ всѣмъ служившимъ духовенствомъ и бывшимъ въ соборѣ народомъ, и Макарій антиохійскій, сложивъ три первые перста и показывая ихъ, воскликнулъ: „*сими тремя первыми великими персты всякому православному христіанину подобаеъ изображати на лицѣ своемъ крестное изображеніе; а иже кто по Феодоритову писанію и ложному преданію творитъ, той проклятъ есть*“. За Макаріемъ тоже проклятіе на двоеперстниковъ повторили сербскій патріархъ Гавріиль и никейскій митрополитъ Григорій.

Такъ торжественно пришлые иностранцы прокляли въ Москвѣ всѣхъ крестящихся двумя перстами. А между тѣмъ двоеперстникомъ былъ тогда весь русскій народъ, всѣ русскіе, можетъ быть за самыми ничтожными исключеніями, крестились дотолѣ двумя перстами, и не только въ давное

время, но такъ крестились ихъ предки и между ними всѣмъ вѣдомые и чудесами прославленные угодники Божіи. Что же это значить, невольнo думали русскіе, что въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ, этой національной Московской святыньѣ, которая есть „всего государства мати всѣмъ церквамъ“, пришлые случайные чужеземцы торжественно предавали анаѣмѣ никого другого, какъ самихъ русскихъ, ихъ почившихъ предковъ и чуть не самыхъ русскихъ угодниковъ Божіихъ? Что это значить, что убогіе пришлецы-милостынесобиратели, явившіеся въ Москву молить русскихъ о подаяніи или о пріютѣ, рѣшаются такъ торжественно въ присутствіи царя, патріарха и народа позорить русскихъ, ихъ вѣковую святую старину, издѣваются надъ ихъ благочестіемъ, доселѣ еще никѣмъ не похуленнымъ? Подъ угрозой церковнаго проклятiя велятъ пришлые чужеземцы креститься русскому не такъ, какъ крестились его предки и самые русскіе угодники Божіи; но кому долженъ былъ болѣе довѣрять благочестиво, въ преданности своей церкви воспитанный русскій: голословному-ли заявленію подозрительныхъ пришельцевъ, или голосу своей церкви, которая устами цѣлаго собора изрекла: „иже кто не знаменается двѣма персты, яко же и Христосъ, да есть проклятъ?“ Напрасно было говорить русскому о подложности слова Феодорита, о неправильности въ сказаніи русскаго пролога о св. Мелетіи, напрасно было ему указывать на двоеперстіе, какъ еретическое армянское перстосложеніе,—ему достаточно было въ этомъ случаѣ только посмотрѣть на лики своихъ русскихъ великихъ угодниковъ, которыми такъ богата русская церковь, ради молитвъ которыхъ крѣпло и ширилось русское царство, чтобы вполне и окончательно убѣдиться, что двоеперстіе не армянская ересь, а правое, вполне православное перстосложеніе, доказанное несомнѣнною святостію лицъ, его употреблявшихъ: лики угодниковъ Божіихъ, вотъ кто, а не какія-либо сказанія, прежде всего и главнымъ образомъ убѣждали русскаго въ правотѣ его двоеперстія. Странно было бы не то, что русскій стойко сталъ за свое перстосложеніе, а то, если бы онъ, несмотря на опредѣленный и ясный соборный голосъ своей церкви, несмотря на свою вѣковую святую старину, вдругъ бы безъ всякаго колебанія бросилъ свое родное и принялъ чужеземное только

потому, что какіе-то пришлецы приказываютъ ему это. Только одного не могъ взять въ толкъ русскій человѣкъ: что же это значитъ, что патріархъ даетъ волю какимъ-то пришлецамъ въ самомъ чтимомъ московскомъ храмѣ произносить всенародно хулы на русское благочестіе, на самихъ русскихъ чудотворцевъ, нетлѣнно почивающихъ въ этомъ самомъ храмѣ? Очевидно правду говорятъ про патріарха, что онъ дѣйствительно отступникъ отъ православія, раззоритель истиннаго русскаго благочестія, что онъ, сговорившись съ отступниками греками, хочеть и на Руси искоренить правую вѣру,—иначе нельзя и объяснить происходящее теперь на Москвѣ.

Въ силу указанныхъ обстоятельствъ анаѣема на двуперстниковъ, такъ торжественно произнесенная въ московскомъ Успенскомъ соборѣ антиохійскимъ патріархомъ Макаріемъ, сербскимъ Гавріиломъ и никейскимъ митрополитомъ Григоріемъ, не произвела однако на народъ того впечатлѣнія, на какое рассчитывалъ было Никонъ, такъ горячо желавшій всѣмъ доказать, что онъ былъ правъ, когда въ первый годъ своего патріаршества издалъ свое извѣстное распоряженіе, чтобы его пасомые крестились не двумя, а тремя перстами. Самъ Никонъ сознается, что и послѣ произнесенія анаѣемы, въ Москвѣ возникли пренія о перстосложеніи и поэтому поводу произошло раздѣленіе: одни держались прежняго двоеперстнаго перстосложенія, другіе же стали употреблять новое—троеперстное. Тогда Никонъ рѣшилъ поступить такимъ образомъ: такъ какъ въ это время прибылъ въ Москву молдавскій митрополитъ Гедеонъ, но Никонъ обратился ко всѣмъ бывшимъ тогда въ Москвѣ восточнымъ іерархамъ съ предложеніемъ, письменно извѣстить его, какое перстосложеніе дѣйствительно правое, причемъ, конечно, требовалъ этаго формальнаго письменнаго удостовѣренія не для себя лично. На свое предложеніе Никонъ получилъ слѣдующій письменный отвѣтъ, подписанный Макаріемъ, Гавріиломъ, Григоріемъ и Гедеономъ: „преданіе пріяхомъ отъ начала вѣры отъ св. апостоль, и св. отецъ, и св. седми соборовъ, творити знаменіе честнаго креста тремя первыми персты десныя руки, и кто отъ христіанъ православныхъ не творитъ крестъ тако, по преданію восточныя церкви, еже держа съ начала вѣры даже до днесь, *есть еретикъ и подражатель арменомъ. И сего*

ради и мамы его отлученна отъ Отца и Сына и св. Духа и проклята: извѣщеніе истины подписахъ своею рукою“. Этого отвѣтъ восточныхъ іерарховъ Никонъ напечаталъ въ Скрижали.

Приведенныя рѣшительныя, не допускающія никакихъ возраженій и сомнѣній, заявленія указанныхъ бывшихъ тогда въ Москвѣ восточныхъ іерарховъ, что будто бы церковь Христова отъ самихъ апостоловъ, древнихъ св. отцевъ и отъ семи вселенскихъ соборовъ приняла и всегда неизмѣнно употребляла въ перстосложеніи для крестнаго знаменія троеперстіе, и не допускала иныхъ формъ перстосложенія, считая ихъ за еретическія; такое утвержденіе во всѣхъ отношеніяхъ было несправедливо. Въ исторической дѣйствительности дѣло съ перстосложеніемъ для крестнаго знаменія стояло совсѣмъ не такъ, какъ возвѣщали указанные восточные іерархи, желавшіе выслужиться предъ Никономъ.

Первоначальною и древнѣйшею формою перстосложенія для крестнаго знаменія, которая употреблялась въ первые вѣка христіанства и, по церковнымъ вѣрованіямъ, ведетъ свое начало со временъ апостольскихъ, была единоперстіе,—тогда знаменовались въ крестномъ знаменіи *однимъ перстомъ*. За это имѣется цѣлый рядъ несомнѣнныхъ свидѣтельствъ. Такъ св. Іоаннъ Златоустъ говоритъ: „когда знаменуешься крестомъ, то представляй всю знаменательность креста... Не просто *перстомъ* должно изображать его, но должны сему предшествовать сердечное расположеніе и полная вѣра“. Св. Епифаній говоритъ о нѣкоемъ знакомомъ ему православномъ мужѣ Іосифѣ, что онъ, „взявъ сосудъ съ водою собственнымъ своимъ *перстомъ* напечатлѣлъ на немъ крестное знаменіе“. Объ употребленіи одного перста въ крестномъ знаменіи говорятъ затѣмъ: блаженный Іеронимъ, блаженный Теодоритъ, церковный историкъ Созоменъ, св. Григорій Двоесловъ, Іоаннъ Мосхъ и въ первой четверти VІІІ вѣка Андрей Критскій. Только у одного Кирилла іерусалимскаго мы встрѣчаемъ такое свидѣтельство: „съ дерзновеніемъ да изображаемъ *перстами* знаменіе креста на челѣ и на всемъ“. Самый крестъ, при знаменованіи себя, въ первые вѣка христіанства, изображался иначе, чѣмъ въ послѣдующее время и теперь, именно: однимъ перстомъ изображали тогда крестъ по преимуществу на челѣ, иногда же и на устахъ, очахъ, персяхъ и вообще на отдѣльныхъ частяхъ тѣла, такъ что

знаменованіе себя теперешнимъ большимъ крестомъ, съ возложеніемъ перстосложенной руки на чело, животъ, на правое и лѣвое плечо, въ первые вѣка христіанства вовсе не употреблялось, а вошло въ обычай уже въ позднѣйшее время, вѣроятно начиная съ IX вѣка.

Древне-христіанское единоперстіе съ теченіемъ времени, начиная съ IX вѣка, стало замѣняться въ православной греческой церкви двоеперстіемъ, которое, вытѣснивъ собою единоперстіе, сдѣлалось у грековъ господствующимъ. Это подтверждается несомнѣнными свидѣтельствами. Болѣе раннее и очень важное свидѣтельство объ употребленіи греками двоеперстія принадлежитъ несторіанскому митрополиту Иліи Гевери, жившему въ концѣ IX и въ началѣ X вѣка. Желая примирить монофизитовъ съ православными или мелхитами, какъ обыкновенно сирійцы несторіане называютъ православныхъ,—и съ несторіанами, онъ говоритъ: „въ согласіи вѣры между несторіанами, мелхитами и яковитами, что они несогласны между собою въ изображеніи креста, что конечно неважно. Именно, они знаменіе креста изображаютъ однимъ перстомъ, ведя руку слѣва направо; другіе *двумя перстами*, ведя, наоборотъ, справа налѣво. Яковиты, осѣняя себя однимъ перстомъ слѣва направо, означаютъ этимъ, что вѣруютъ въ единого Христа — превель искупленныхъ отъ грѣха (слѣва) къ благодати (направо). Несторіане и мелхиты (мелхитами сирійцы называли православныхъ), изображая крестъ въ знаменіи *двумя перстами*—справа налѣво, исповѣдываютъ тѣмъ свое вѣрованіе, что на крестѣ божество и челоуѣчество были вмѣстѣ соединены, что это было причиной нашего спасенія и что вѣра началась съ правой стороны, а невѣріе, заблужденіе прогнаны съ лѣвой“. Кромѣ Иліи Гевери уже давно были извѣстны еще два свидѣтельства изъ XII вѣка, что православные употребляли тогда въ крестномъ знаменіи двоеперстіе. Такъ одинъ грекъ XII вѣка обличаетъ латинскихъ архипастырей въ томъ, что они благословляютъ пятью перстами, а знаменуютъ себя, подобно моноелитамъ, однимъ перстомъ, „между тѣмъ какъ персты въ знаменованіяхъ должны быть располагаемы такъ, чтобы ими обозначались два естества (въ Христѣ) и три лица (въ Божествѣ)“ т. е. правильнымъ перстосложеніемъ считаетъ именно двоеперстное. Монахъ Петръ изъ Дамаска, писавшій около 1157 го-

да (хотя нѣкоторые думаютъ и утверждаютъ, что онъ жилъ гораздо ранѣе) говорить, что въ крестномъ знаменіи *два перста* убо и едина рука являютъ распятаго Господа нашего Иисуса Христа, во двою естеству и въ единомъ составѣ познаваема“.

Силу приведенныхъ свидѣтельствъ нѣкоторые думаютъ ослабить тѣмъ соображеніемъ, что эти свидѣтельства, если и говорятъ за существованіе двоеперстія, то только будто бы у однихъ сирійскихъ христіанъ, жившихъ среди монофизитовъ и несторіанъ, такъ что на это явленіе слѣдуетъ смотрѣть только какъ на исключительно мѣстный, какъ на специально сирійскій обычай, котораго совсѣмъ не знала и никогда не держалась вселенская православная константинопольская церковь, въ которой двоеперстіе вовсе не употреблялось. Но такое пониманіе дѣла будетъ несправедливо и несогласно съ дѣйствительностію, такъ какъ въ настоящее время найдены два такихъ свидѣтельства, которыя ставятъ внѣ всякаго сомнѣнія существованіе двоеперстія въ самой константинопольской церкви съ начала XI и въ XII столѣтіяхъ.

Первое свидѣтельство заключается въ слѣдующемъ: яковитскій патріархъ Іоаннъ VIII Абдонъ, жившій въ Антиохіи, которая въ то время принадлежала грекамъ, былъ обвиненъ милитинскимъ митрополитомъ Никифоромъ предъ греческимъ императоромъ Рованомъ Аргиропуломъ въ томъ, что будто бы Іоаннъ старается совращать грековъ въ свою ересь. Императоръ приказалъ привести Іоанна въ Константинополь. Въ 1029 году, 15 іюля, Іоаннъ Абдонъ съ 6 епископами, 20 пресвитерами и монахами яковитами, въ сопровожденіи обвинителя митрополита Никифора, прибылъ въ Византію. Здѣсь патріархомъ Константинопольскимъ составленъ былъ соборъ, съ цѣлію обратить яковитовъ въ православіе, но они остались непреклонными въ своемъ заблужденіи. „Тогда, говоритъ Ассеманъ, снова устроивши собраніе, патріархъ (греческій) и приглашенные епископы (греческіе) приказали Іоанну Абдону патріарху и Елію, епископу симнадійскому, присутствовать (на соборѣ). Когда же, послѣ долгаго спора, не могли преклонить нашихъ къ своему мнѣнію, потребовали отъ нихъ единственно того, чтобы не примѣшивали елея въ евхаристіи и *крестились не однимъ перстомъ, а двумя*“. Такимъ образомъ въ 1029 году константинопольскій патріархъ, вмѣстѣ съ другими греческими епископами, желая обратить въ

православіе яковитскаго патріарха Іоанна VIII и его спутниковъ, торжественно отъ нихъ потребоваль на соборѣ, чтобы они крестились не однимъ перстомъ, а двумя. Ясное дѣло, что въ началѣ XI вѣка, какъ самъ константинопольскій патріархъ, такъ и другіе греческіе іерархи, въ крестномъ знаменіи употребляли двоеперстіе, которое они и считали истинно православнымъ перстосложеніемъ, вопреки тогдашнему монофизитскому одноперстію ¹⁾.

Византійскіе императоры не разъ усиливались примирить армянъ съ православіемъ, для чего они неоднократно вступали съ армянами въ церковныя сношенія. Въ этихъ видахъ императоръ Мануилъ Комнинъ, въ 1170 году, послалъ къ армянамъ одного изъ константинопольскихъ ученыхъ, по имени Θεоріана, для богословскихъ собесѣдованій съ ними. Θεоріанъ описалъ свои собесѣдованія съ армянами и о второмъ изъ нихъ, между прочимъ, сообщаетъ и слѣдующее: „Когда это (предшествующее) было сказано, всталъ одинъ сирскій священникъ и сказалъ Θεоріану: для чего вы (т. е. константинопольскіе греки) *изображаете крестное знаменіе двумя перстами?* не раздѣлены ли (между собою) персты, какъ особые одинъ отъ другаго? слѣдовательно, по вашему раздѣлены и два естества Христовы. Но Θεоріанъ, какъ бы прибѣгая къ шуткѣ, сказалъ: не знаменуя два естества Христовы, такъ дѣлаемъ мы, но, бывъ избавлены отъ мучительства діавола, мы научены творить противъ него ополченіе и брань, ибо руками содѣлываемъ мы правду, милостыню и прочія добродѣтели, и это есть ополченіе; а перстами, полагая на челѣ печать Христову, мы составляемъ брань и такимъ образомъ побѣждаемъ его и съ Давидомъ благословляемъ Господа, говоря каждый: *благословенъ Господь Богъ мой, научаяй руки мои на ополченіе и персты моя на брань* (Пс. 143, 1)—не персть (т. е. не одинъ персть, какъ у васъ—армянъ), но персты“ ²⁾. Изъ приведеннаго свидѣтельства видно,

¹⁾ О перстосложеніи для крестнаго знаменія, употреблявшимся въ христіанской церкви за различное время, находится довольно-обстоятельный трактатъ въ нашей книгѣ: Патріархъ Никонъ и его противники въ дѣлѣ исправленія церковныхъ обрядовъ, гдѣ (на стр. 72—91) указаны всѣ относящіеся къ этому вопросу источники.

²⁾ Е. Е. Годубинскаго: Къ нашей полемикѣ съ старообрядцами, стр. 95—96.

что когда одинъ сирійскій священникъ упрекнулъ константинопольскихъ грековъ, представителемъ которыхъ былъ Θεоріанъ, „для чего вы изображаете крестное знаменіе двумя перстами? не раздѣлены ли персты, какъ особые одинъ отъ другаго, слѣдовательно—по вашему и два естества Христовы раздѣлены между собою?“, то Θεоріанъ подтвердилъ, что константинопольскіе греки дѣйствительно крестятся двумя перстами по такимъ-то основаніямъ. Значить, въ 1170 году въ Константинопольской церкви въ крестномъ знаменіи несомнѣнно употреблялось двоеперстіе, которое служило и признавалось тогда внѣшнимъ нагляднымъ признакомъ, отличающимъ православныхъ отъ монофизитовъ.

Почему греки древнее первохристіанское единоперстіе въ крестномъ знаменіи замѣнили потомъ у себя (не позже начала IX вѣка) двоеперстіемъ—понятно. Когда появилась ересь монофизитовъ, то она воспользовалась дотолѣ употреблявшейся формой перстосложенія—единоперстіемъ для пропаганды своего ученія, такъ какъ видѣла въ единоперстіи символическое выраженіе своего ученія о единой природѣ во Христѣ. Тогда православные, вопреки монофизитамъ, стали употреблять въ крестномъ знаменіи двоеперстіе, какъ символическое выраженіе православнаго ученія о двухъ природахъ во Христѣ. Такъ произошло, что одноперстіе въ крестномъ знаменіи стало служить внѣшнимъ, нагляднымъ признакомъ монофизитства, двоеперстіе православія. Продолжительная и упорная борьба съ монофизитствомъ, которую пришлось вести греческой церкви, естественно заставила православныхъ грековъ придавать особенно важное значеніе двоеперстію, какъ видимому и понятному для всѣхъ знаку принадлежности извѣстнаго лица къ православной церкви, тѣмъ болѣе, что въ Сиріи, Египтѣ, и нѣкоторыхъ греческихъ городахъ, православное народонаселеніе было перемѣшано съ монофизитскимъ. Этимъ и объясняется, почему константинопольскій патріархъ и епископы, обращая въ православіе яковитскаго патріарха и его спутниковъ, настойчиво требовали отъ нихъ, чтобы они изображали крестъ не однимъ перстомъ, а двумя; а, съ другой стороны, этимъ же объясняется, почему монофизиты упорно стояли за единоперстіе и никакъ не хотѣли, не смотря на всѣ убѣжденія, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ угрозы и принужденія грековъ, пе-

ремѣнить свое единоперстіе на греческое православное двоеперстіе. Это бы значило, по ихъ убѣжденію, явно и открыто измѣнить самому своему вѣроученію, такъ какъ, по употребленію въ крестномъ знаменіи двоеперстія или одноперстія, заключали тогда о принадлежности лица къ православію или монофизитству. Борьбою и постояннымъ совмѣстнымъ жительствомъ съ монофизитами объясняется и то обстоятельство, почему двоеперстіе такъ долго держалось въ константинопольской церкви, и потомъ между сирійскими православными христіанами, и почему троеперстіе, эта, повидимому, самая естественная для христіанина форма перстосложенія, могло сдѣлаться въ греческой церкви господствующимъ обычаемъ только въ позднѣйшее время, когда уже окончательно прекратилась борьба съ монофизитствомъ. Этимъ же объясняется и то обстоятельство, почему въ западной церкви, не соприкосавшейся непосредственно съ монофизитами, троеперстіе встрѣчается ранѣе, чѣмъ у грековъ.

Греки, измѣнившіе, по требованію указанныхъ обстоятельствъ, древнехристіанское единоперстіе на двоеперстіе, которое продолжалось у нихъ болѣе четырехъ сотъ лѣтъ, перемѣнили потомъ у себя двоеперстіе на троеперстіе. Причины этого явленія можно полагать въ слѣдующемъ: если греки отказались отъ древняго единоперстія не потому, чтобы эта форма перстосложенія, сначала строго православная, употреблявшаяся великими отцами и учителями церкви, сдѣлалась съ теченіемъ времени неправославною сама по себѣ, но потому, что ею воспользовались еретики монофизиты, связавшіе съ нею, къ соблазну православныхъ, свое еретическое ученіе, такъ что единоперстіе стало символомъ монофизитства, а двоеперстіе—православія; то и отъ двоеперстія греки отказались потомъ не потому, что оно сдѣлалось само въ себѣ неправославнымъ, а совершенно по другимъ причинамъ. Если появленіе двоеперстія и продолжительность его существованія въ православной греческой церкви зависѣло исключительно отъ монофизитства, только во время борьбы съ нимъ имѣло свой особый смыслъ и значеніе, то, какъ скоро борьба съ монофизитствомъ прекратилась, греческая константинопольская церковь, желая и самой формой перстосложенія въ крестномъ знаменіи отличаться не только отъ монофизитовъ—одноперстниковъ, но и отъ несторіанъ,

всегда строго державшихся двоеперстія, такъ какъ они соединили съ нимъ свое еретическое ученіе о соединеніи во Христѣ двухъ природъ, и въ двоеперстіи видѣли символическое выраженіе и подтвержденіе своего еретическаго ученія,—замѣнила у себя двоеперстіе болѣе естественнымъ и свойственнымъ каждому христіанину, помимо вѣроисповѣдныхъ его особенностей, троеперстіемъ, какъ выражающимъ главный, основной догматъ христіанства—ученіе о св. Троицѣ. Эта перемѣна у грековъ перстосложенія въ крестномъ знаменіи—изъ двоеперстія въ троеперстіе произошла, какъ можно думать, въ концѣ XII вѣка и продолжалась до конца XIII-го, когда оно у нихъ сдѣлалось наконецъ господствующимъ, обстоятельство для насъ въ высшей степени важное.

Русскіе, а ранѣе и другіе православные славяне, приняли отъ грековъ христіанство въ то время, когда, какъ мы видѣли, въ константинопольской церкви двоеперстіе въ крестномъ знаменіи признавалось единственно правильнымъ и всѣми употреблялось, какъ внѣшній видимый для всѣхъ знакъ принадлежности извѣстнаго лица къ православной церкви. Русскіе, принявъ отъ грековъ христіанство, приняли къ себѣ и присланныхъ изъ Константинополя церковныхъ іерарховъ, которые научили ихъ вѣрѣ и передали имъ весь греческій церковный обрядъ и чинъ. Понятно, что просвѣтителі русскихъ христіанствомъ, константинопольскіе греки, прежде всего научили ихъ творить на себѣ крестное знаменіе, какъ внѣшній, видимый для всѣхъ знакъ ихъ обращенія и принадлежности къ христіанству, понятно, что греки научили новопросвѣщенныхъ русскихъ творить крестное знаменіе такимъ же образомъ, какъ они сами творили его въ то время. А такъ какъ правымъ и обязательнымъ для православныхъ греки считали тогда двоеперстное перстосложеніе, то конечно и русскихъ они научили знаменоваться себя въ крестномъ знаменіи двумя перстами; понятно, что греки такъ же научили творить на себѣ крестное знаменіе и всѣхъ обращенныхъ ими въ христіанство славянъ ¹⁾. Вотъ откуда и когда появилось на Руси двоеперстіе въ крестномъ знаменіи!

¹⁾ О существованіи двоеперстія у южноруссовъ и другихъ православныхъ славянъ см. нашу книгу: Патр. Никонъ 68—70.

Троеперстіе, и другія предшествовавшія ему формы перстосложенія, никогда въ Греціи не вводились путемъ законодательнымъ, съ помощію какихъ либо соборныхъ постановленій, правилъ и принудительныхъ предписаній. То или другое перстосложеніе было только обычаемъ, оно возникало и распространялось, какъ обычай, постепенно, мало по малу и, какъ всякій обычай, съ теченіемъ времени, по требованію тѣхъ или другихъ обстоятельствъ, видоизмѣнялось, переходя изъ одной формы въ другую, причемъ греки естественно никогда не смотрѣли на ту или другую форму перстосложенія какъ на что-то разъ опредѣленное, неизмѣняемое, равное по своей цѣнности самому вѣроученію—это только обычай, не болѣе. Троеперстіе, появившееся у грековъ не ранѣе конца XII вѣка и распространившееся, какъ обычай, въ теченіи XIII вѣка, естественно отъ грековъ съ XIV и XV вѣковъ, стало переходить и къ намъ на Русь и здѣсь находить себѣ послѣдователей. Но на Руси троеперстіе встрѣтилось съ ранѣе повсюду существовавшимъ у насъ уже нѣсколько столѣтій двоеперстіемъ, къ которому русскіе привыкли, и что главное и особенно важно—не смотрѣли на него, подобно грекамъ, какъ на измѣняющійся съ теченіемъ времени церковный обычай. Русскіе приняли всѣ церковные обряды и чины отъ грековъ въ готовомъ видѣ и были убѣждены, что они—церковные обряды и чины обязаны своимъ происхожденіемъ или самому Христу, или апостоламъ, или цѣлымъ соборамъ—вселенскимъ и помѣстнымъ, или хотя бы и отдѣльнымъ позднѣйшимъ лицамъ, но обязательно святымъ, находившимся подъ непосредственнымъ воздѣйствіемъ Божественной силы. Церковные чины и обряды, какъ имѣющіе божественное происхожденіе, сразу явились обязательно въ извѣстной строго-опредѣленной формѣ, которая повсюду, поэтому, должна быть одна и таже, и, какъ божественнаго происхожденія, не допускаетъ въ себѣ никакихъ измѣненій и потому не можетъ быть въ православной церкви не единообразна. Перстосложеніе для крестнаго знаменія ввелъ или Христосъ или апостолы—и тотъ, кто его ввелъ въ употребленіе, далъ, конечно, не нѣсколько формъ перстосложенія сразу, а только одну опредѣленную, которая и должна быть для всѣхъ обязательна, какъ божественная по своему происхожденію. И святую пѣснь аллилуію если велѣно пѣть,

то только опредѣленнымъ образомъ: или двоить или троить, но не то и другое вмѣстѣ. При этомъ въ каждомъ церковномъ обрядѣ и чинѣ, подѣ внѣшней, разѣ строго опредѣленной формой, заключенъ всегда опредѣленный точный смыслъ, и если они поучительны, назидательны и спасительны для вѣрующихъ, то только подѣ условіемъ сохраненія ихъ въ томъ первоначальномъ видѣ, какъ они произошли. Значить, по своему происхожденію, смыслу и назначенію церковныя чины и обряды *должны быть* всегда одинаковы во всей вселенской православной церкви; измѣнить ихъ, значить наложить руку на данное самимъ Богомъ, значить измѣнить заключенный въ нихъ смыслъ и тѣмъ отнять отъ нихъ присущую имъ спасительность для человѣка, значить божественное установленіе замѣнить своимъ человѣческимъ, и тѣмъ совершить ужасное нечестіе. Когда, поэтому, къ намъ стало проникать изъ Греціи троеперстіе и русскіе увидѣли, что есть нѣкоторая разность въ перстосложеніи между греческою и русскою церквами, чего, по ихъ представленію, никакъ не должно бы быть, то у нихъ невольно возникъ вопросъ: откуда и какъ могло произойти подобное невозможное явленіе? Ясно, казалось имъ, одно, что кто-то въ этомъ случаѣ грѣшитъ—или греки, или русскіе. А такъ какъ подобный вопросъ возникъ у русскихъ уже послѣ паденія Константинополя и принятія греческимъ императоромъ и самимъ константинопольскимъ патріархомъ флорентійской уніи, то русскіе и порѣшили, что относительно перстосложенія погрѣшили не они, а греки, почему и постарались всѣми мѣрами оградить и укрѣпить неизмѣняемость своего стараго двоеперстія, торжественно провозгласивъ на Стоглавомъ соборѣ: „иже кто не знаменается двѣма персты, яко же и Христъ, да есть проклятъ“. Такъ случилось, что когда у грековъ вошло во всеобщій обычай троеперстіе, русскіе не только остались при старомъ греческомъ двоеперстіи, но и признали послѣднее единственно православною и потому для всѣхъ обязательною формою перстосложенія, а греческое троеперстіе новшествомъ, вошедшимъ въ практику греческой церкви подѣ вліяніемъ латинства уже въ послѣднее время.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Н. Кантеревъ.